

ЗЕРКАЛО ДЛЯ НЕВИДИМКИ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Степанова

Зеркало для невидимки

«ЭКСМО»

Степанова Т. Ю.

Зеркало для невидимки / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-20357-4

Кто страшнее – жестокий убийца или мрачный некрофил, оскверняющий могилы женщин? А именно перед таким выбором оказывается журналистка Катя Петровская, ведущая собственное расследование ряда загадочных убийств в цирке-шапито, гастролирующем по Подмосковию. И она, и начальник "убойного отдела" Никита Колосов словно бредут по сумрачному лабиринту человеческих страстей, темных инстинктов и вожделений. Здесь все невероятно и зыбко... А ошибиться нельзя, слишком высока плата за неверный шаг – очередная смерть...

ISBN 978-5-699-20357-4

© Степанова Т. Ю.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Степанова

Зеркало для невидимки

Глава 1

ДИКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

«Как бы вы определили слово «дикий»? Первобытный, затем странный, причудливый. Нет, оно значит и кое-что еще. Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое».

Сергей Мещерский отложил томик Конан Дойла, из которого только что процитировал диалог Холмса с доктором Ватсоном. Взглянул на Катю, пожал плечами. «Дикий» – это словечко Катя повторила, наверное, уже раз десять. И в ее толковании, как и в толковании гениального сыщика с Бейкер-стрит, оно приобретало совершенно особенное значение.

Был душный июльский вечер. В Москве стояла редкая жара, столбик термометра даже в тени переваливал за тридцать. А здесь, в квартире Мещерского на Яузе, в комнате, вместо обоев обклеенной географическими картами, надсаживался из последних сил старенький кондиционер.

Еще утром, собираясь на работу, Вадим Кравченко задумчиво намекнул Кате, что очень неплохо было бы навестить вечером Серегу. Мещерский с некоторых пор пребывал в похоронном настроении. И тому, как догадывалась умная Катя, было несколько причин.

Во-первых, дела в турфирме «Столичный географический клуб», в которой вот уже сколько лет работал Мещерский, шли в связи с кризисом из рук вон плохо. Во-вторых, у него вот уж неделю ныл коренной зуб, который он из чисто детского ужаса перед зубным врачом наотрез отказывался лечить. А в-третьих, у Сереги щемило сердце.

Катя знала источник этой сердечной боли. Все началось с той их с Вадькой поездки в Сортавалу, где Мещерский, как выражался Кравченко, «жестоко врезался в одну гражданку и утратил последние иллюзии». Женщина было много, много старше Мещерского. Она была талантлива и знаменита. И она умерла. С тех пор прошло уже более года. Но каждый раз, когда Мещерский слышал ее голос по радио – она была оперной певицей, – он становился похож на человека, которого переехал катафалк.

Очередной приступ острой Серегиной хандры Кравченко предложил лечить «по-нашему, по-бразильски»: вместе с Катей он привез другу в утешение пива, мороженных креветок и пакет страшенькой сушеной рыбки, которую они с Мещерским отчего-то называли «живопырка».

Подливая приятелю пива, Кравченко терпеливо ждал, когда же у того, несмотря на ноющие зуб и сердце, просветлеет душа. Катя же... Они оба сразу заметили: несмотря на весь ее участливый, заботливый тон, она где-то очень далеко. О чем-то думает. И хоть молчит (что крайне на нее не похоже), но вся так и лучится любопытством, азартом, досадой и...

– Дикость какая, надо же!

Она произнесла это, обращаясь к пестрой карте Африки на стене, и повторила:

– Нет, ну надо же, какая дикость...

Приятели переглянулись, и Мещерский, пересиливая себя, робко спросил:

– Ну, что нового на работе, Катюш?

За Катю ответил Кравченко: мол, извела меня жена, совсем источила, как ржа железо. А все от скуки, потому что вот уже месяц вымучивает из себя для ученого юридического журнала статью о результатах исследований, проводимых на базе Академии МВД, о проблемах виктимного поведения потерпевших в случаях... Короче – со скуки удавиться.

– Ребята, я потеряла день, – перебила его Катя, – пока я копаюсь в библиотеке, у нас такие дикие вещи творятся!

Мещерский вздохнул: Катя в своем амплуа. Дикие происшествия в Подмоскowie. Аршинный газетный заголовок. Он хотел было горько усмехнуться, но тут встретился с ней взглядом.

– Не сиди как сыч, – сказала она, – и хватит столько дуть холодного пива. Вот раздует флюс – узнаешь. – Она жалостливо погладила щеку Мещерского. – Я же говорила вам: дикие вещи, просто ужас!

Вот тут-то Мещерский встал и отошел к книжному шкафу. Слова великого сыщика с Бейкер-стрит, памятные с самого детства, были тут как нельзя более уместны. Кате цитата понравилась. Потому что отражала суть случившегося.

Из трех весьма необычных происшествий истекших суток больше всего, конечно, Катю насторожило и встревожило сообщение о кладбище. Да, такого она что-то не припомнит. Кажется, прежде такого в Подмоскowie не случалось. И надо же, какое совпадение, что все это: и «дикое происшествие» на Нижне-Мячниковском кладбище, и убийство на двадцать третьем километре, и странный, почти фарсовый случай в Стрельне – произошло в одни и те же сутки с интервалом в несколько часов. Вот и ломай теперь голову, куда завтра помчаться ей, сотруднице Пресс-центра областного ГУВД, с чего начать, чтобы, не дай бог, не упустить что интересное. Впрочем, летом всегда так – то тоска зеленая, ни одного серьезного, стоящего дела, одна бытовуха, а то вдруг – ба-бах!

– Сережка, представляешь... а, да ты не представляешь ничего... Послушай... В Стрельне, это за МКАД у Мытищ, где оптовая ярмарка знаменитая, ее все по телевизору рекламируют... знаешь, кто там, оказывается, водится? – выпалила Катя.

– Призрак обманутого потребителя?

– Я серьезно! Там водятся львы!

– Ты это серьезно, Катюша?

Кравченко, слушавший этот диалог, собрал пустые стаканы, бутылки и понес на кухню, отчего-то при этом пританцовывая некое подобие неуклюжей ламбады. «Дурачки, – подумала Катя, следя за его выкрутасами и за ласково-грустно-снисходительно улыбающимся ей Мещерским, – боже, какие же дурачки!»

– Я сегодня в сводке происшествий прочла о случае нападения льва на человека. Произошло это в Стрельне, на территории оптовой ярмарки. Туда и милицию, и «Скорую» вызывали. К счастью, все обошлось, человек не пострадал.

– В Стрельне под Мытищами? Ты что... разыгрываешь меня?

– Ну, боже ты мой, – довольная Катя следила за собеседником. – В сводочке черненьким по белому в разделе «Несчастные случаи». Там цирк-шапито, Сереженька. Передвижной цирк с июня представления дает. Полная программа, даже львы, как видишь, имеются, чтобы их укрощать. Вот и получилось, что алая кровь едва-едва не обагрила арену амфитеатра.

– Черт знает что такое, – Мещерский заворочался в кресле, – цирк... А как же человек попал...

– Никаких подробностей, увы, пока не знаю. Я же русским языком жалуюсь тебе: я со всей этой своей процессуально-правовой тяготой потеряла такой день! День, полный блестящих событий. И лев – это еще не все. Там же, в Стрельне, точнее, на въезде в нее, на двадцать третьем километре, произошло убийство. Туда весь наш убойный отдел выехал. А все другие уехали знаешь куда?

– А кого убили?

– Понятия не имею. В сводке черненьким по белому: обнаружен полуобгоревший труп неизвестного в полуобгоревшей же иномарке на обочине шоссе. Причина смерти, по предварительным данным, – огнестрельное ранение в голову.

– Пошлая разборка, – с порога поставил диагноз Кравченко. – Братки ареал обитания делят.

Катя только фыркнула на него:

– Я, я рассказываю! Не ты. Заглохни. Дикость: труп как головешка. Вот радость-то нашим такой ужас осматривать. Но и это опять же еще не все. Я до самого главного еще не добралась.

– Серега, пивка? – Кравченко откупорил бутылку.

– Спасибо.

Кравченко хмыкнул: то ли «Балтика»-«девятка» виновата, то ли Катькины страшилки, но Серега понемножку оттаивает. С несчастным влюбленным надо как с беззубым младенцем: плачет карапуз, горюет – мигом отвлеки его внимание. Тут любая погремущка сгодится, любой прибабас, не то что страшные-страшные сказки.

– Катке больше не наливай, – сказал он. – Ладно, про дикость мы слыхали, что еще?

– На Нижне-Мячниковском кладбище осквернение могилы. – Катя брезгливо поежилась. – В сводке крайне скупое, мало информации. Я в Стрельненский ОВД звонила, у них там с этим убийством головы квадратные, но все равно – даже дежурный в шоке: дикие подробности, говорит! Даже по телефону сообщить отказался. Сказал только – свежая могила кем-то разрыта. Вчера похороны были, женщину хоронили. А ночью ее кто-то вырыл и...

– И? – Но тут Кравченко наткнулся на Катин взгляд, и ему отчего-то враз расхотелось балагурить. – И что?

– Кошмар, вот что. Там еще до сих пор осмотр места происшествия идет. Кладбище оцепили. Никого не пускают. Мне дежурный сказал: мрак кромешный. Наяву такое и представить трудно.

Глава 2

«ГАРЬ»

То, что это место происшествия окажется таким блевотным, начальник отдела убийств Никита Колосов не ожидал. Знал бы, что предстоит, нипочем бы не поехал в новом костюме. Нагишом бы, как Робинзон, отправился.

С костюмом отдельная история. Не то чтобы Колосов наряжался только по великим праздникам, а... Короче, из министерства в главк нагрянула строгая проверочная комиссия. А после выполнения разных скучных профессиональных формальностей по древнему русскому обычаю дорогих, хоть и незваных гостей нужно было угостить чем бог послал. И как ни парадоксально, но при всей его катастрофической занятости, что, как безжалостный рок, преследовала начальника отдела убийств, заставляя его буквально гореть на работе и все откладывать и откладывать сладкие помыслы о личном счастье, организатором таких вот «отходняков» для проверяющих выпадало быть именно ему. Разгадка была проста: всем был распрекрасно известен талант начальника отдела убийств: когда требовали интересы дела, Колосов был в состоянии перепить не только любого отдельно взятого члена проверочной инстанции, но и всю эту инстанцию в полном составе.

Так случилось и на этот раз. Банкет на природе затянулся до поздней ночи. А напоследок Колосову, как самому трезвому, еще выпала нелегкая доля развозить гостей по домам. Последнего пришлось транспортировать аж в Щербинку уже в третьем часу утра. После таких вояжей ехать домой уже не было смысла. И Колосов, как был в парадном костюме, с легким кружением в голове и радужными искрами в глазах прибыл на работу, в родной кабинет в Никитском переулке. Там за несколько минут до начала утреннего развода его и застал звонок дежурного: убийство на двадцать третьем километре.

Но в то, что на этом чертовом двадцать третьем его ждет еще и то, что в милиции называют «гарью», Колосов поначалу как-то не врубился. А когда врубился, уже не мог отделаться от настойчивой мысли, что во всей этой открывшейся его взору черной удушливой «гари» что-то не так.

Сейчас, стоя в анатомическом зале морга Нижне-Мячниковской районной больницы (это была дощатая пристройка, более напоминающая большую строительную бытовку, чем такое скорбное заведение, как морг), Колосов в который раз уж пытался восстановить в памяти то, что увидел там, на двадцать третьем километре объездного шоссе, ведущего в подмосковную Стрельню.

Местечко было гиблым. Подозрительно гиблым: узкая, пробитая в пожухлой от солнца траве колея с магистрального шоссе огибала пологий холм, поросший колючками и дремучим кустарником. Колея вела к затхлому пруду с черной водой. Автомобильную эту тропу проторили, видимо, грузовики. Водители, особенно дальних рейсов, черпали из пруда воду, охлаждали перегревшиеся моторы и мыли машины перед въездом в столицу.

Но на этот раз за кустами стоял не грузовик, а легковушка, точнее, то, что когда-то ею было. И даже более – иномаркой. Вокруг нее суеилось немало народа: пожарные, сотрудники ГИБДД (их патруль и обнаружил гарь в 6.15 утра по поднимавшемуся над холмом столбу дыма) и целая туча любопытных зевак из припарковавшихся к обочине проезжих машин.

Огонь потушили быстро, зевак разогнали еще быстрее. В процессе тушения и обнаружилось, что в машине погибший... Колосов вспомнил, что ему с самого начала бросилось в глаза на этом месте происшествия: целехонький, почти не поврежденный кузов автомобиля. Это была красная «Ауди», как впоследствии выяснилось – 1995 года выпуска. Неповрежденный кузов и... черный, обугленный салон. Причем обугленный тоже как-то необычно: словно

наполовину. Заднее сиденье, например, пострадало гораздо меньше, чем переднее и приборная панель.

Очаг возгорания, как они сразу определили с экспертом, находился на переднем пассажирском сиденье. Сюда кто-то кучей навалил какую-то ветошь, резиновый коврик для ног, еще какое-то барахло, видимо, взятое из багажника. А также несколько веток. Вот это странное и на первый взгляд какое-то диковатое кострище и подожгли, воспользовавшись спичками (две обгорелые спички были обнаружены в траве и приобщены в качестве вещдока к делу) и скрученным из глянцевого эротического журнала самодельным факелом, обрывки которого тоже были обнаружены рядом с машиной у правого заднего колеса.

– В дыму, наверное, бедняга, задохнулся, – один из пожарных поделился своими соображениями с напарником. – Заложил за ворот, ну и высочить не смог. Ну и сволочь же тут орудовала! Надо же, живьем человека в машине спалить!

Живьем... Это словечко тоже было из разряда гиблых. И подобных словечек Колосов терпеть не мог. Оно не несло в себе никакой полезной информации, одни лишь эмоции.

– Два пулевых ранения в голову, Никита Михайлович. Я предварительный визуальный осмотр провел. Кое-что есть интересное. Начнем? Или следователя будете ждать?

Голос судмедэксперта Грачкина. Настоящее имя его Евгений Евгеньевич, но иначе как «Женечка и Катюша» его в экспертно-криминалистическом управлении не зовут. Грачкин – толстый коротыш, у которого в жизни помимо любимой профессии есть еще две роковые страсти – молодая жена, которую он обожает и дико ревнует, и ранняя лысина, которую он ненавидит до судорог и от которой пытается отделаться с помощью современных средств для рашения волос.

Прозвище «Женечка и Катюша» дано ему за неповторимую манеру общаться с женой по телефону. Ей, как всем известно, Грачкин звонит через каждые два часа, где бы он ни находился, даже на ЧП в чистом поле, пользуясь мобильным телефоном вышестоящего начальства. И беседа его всегда звучит примерно так: «Когда приеду? Скоро. Ну, я же сказал! Женечка сказал Катюше – скоро. И к маме твоей в воскресенье съездим. Почему это я забыл? Я помню. Женечка и Катюша куда поедут в воскресенье? На блины к тещ... я хотел сказать – к мамочке!»

Нынешний деловой и лаконичный тон Грачкина был непривычен уху. Колосову все казалось, что он вот-вот услышит: «Женечка и Катюша говорят: два пулевых тут у нас, ну, короче, две дырки в черепе».

– А почему прокуратура до сих пор не приехала? – спросил он эксперта.

– Ждем-с.

– Тогда давай пока без них.

– Пиджак сними, Никита Михалыч. Изгваздаешься. А красивый костюмчик. Стильный.

Колосов потянул пиджак с плеч. В этом костюме, да еще при галстукe он чувствовал себя как конь в новой сбруе. В костюмах, как, впрочем, и в форме, начальника отдела убийств в областном главке видели редко. Больше в джинсах и кожанке, более пригодной для черной оперативной работы.

Мертвец в полусгоревшей красной «Ауди» был своим видом схож... С чем? Прежде Никите казалось: смерть, это самое трагичное из всех трагических происшествий, должна, нет, просто обязана быть и жуткой, и отталкивающей, но при всем том обязательно пристойной. Потому что чувства жалости и сострадания, а главное, уважения и страха к смерти моментально улетучиваются, если она, как, например, сейчас, выглядит крайне непристойно.

Перед ним был человек, точнее, нечто, похожее больше на полуобгорелый пенёк. На изуродованную огнем деревяшку, на останки Буратино-переростка, так глупо сунувшего нос в очаг, оказавшийся не нарисованным, а настоящим.

Колосов осмотрел останки. Наполовину человек – наполовину пепел. Никита заглянул в лицо этой головешке: подбородок, скулы – все обуглено. Дикий оскал-ухмылка, зубы проглядывали через прорехи полусожженной плоти.

На погибшем были белые фланелевые брюки и вишневая футболка. Это можно было определить по уцелевшим фрагментам ткани.

По фрагментам же кожи, не тронутой огнем, опознать погибшего было невозможно. Не то что милиция, родная мать никогда бы не признала в этом нечто какие-то знакомые, родимые черты. Пока эксперт-криминалист фотографировал выгоревший салон и труп, сидевший на водительском месте, Колосов бегло и вместе с тем тщательно осмотрел очаг возгорания: спекшийся под действием высокой температуры пластик, резина, искусственная кожа некогда удобных и мягких сидений, треснувшее и почерневшее от копоти зеркальце, закопченное лобовое стекло.

Он попытался вскрыть «бардачок», точнее, сгустки бесформенной пластмассы, которые от него остались, – головешка отвалилась, испачкав руки жирной сажей. Потом они вместе с экспертом вскрыли багажник – он оказался не заперт, – ничего интересного.

В пепле искали ключи от машины или их остатки, но они либо сгорели, либо же их не было... Эксперт старательно фотографировал номер, чудом пощажённый огнем. Что ж, есть зацепка проверить владельца по банку данных ГИБДД. Впрочем, на такие быстрые чудеса Колосов давно уже не надеялся. Если даже владельца установят, это еще совсем не значит, что обугленный труп и он – одно и то же лицо.

Тело не вытаскивали и не перемещали до приезда следователя. Колосов, согнувшись в три погибели в тесном салоне, осматривал голову погибшего. Только наметанный глаз судмедэксперта Грачкина мог определить, что в эту черную головешку кем-то всажены пули. А что тут было, как, каким образом совершено убийство – на все эти вопросы до капитально проведенного вскрытия пока нет ответа. Колосов наклонился, стараясь различить входные пулевые отверстия. Вот так, наверное, и выглядят египетские мумии...

– С близкого расстояния стреляли, – обернулся он к Грачкину. – Почти в упор. Хотя сам видишь, какой у нас тут материал для исследований.

Грачкин покачал головой, словно упрекая потерпевшего в том, что он предстанет на судмедэкспертизу не в должном виде.

Колосов наклонился еще ниже, в горле запершило от едкого смрада. Да уж, неопознанный труп этот, если не повезет, как камень повиснет на отделе убийств. Если с номером «Ауди» сразу ничего не выгорит – это не что иное, как классический «глухарь», причем как раз накануне подведения итогов работы за квартал. А в результате проклятая статистика ухнет коту под хвост.

– Жень, ну-ка погоди. Ты с этой стороны его осмотрел? – Колосов осторожно, стараясь превозмочь душившую его тошноту, пытался развернуть к себе тело. – А дверь со стороны водителя пробовали открыть?

– Если только автогеном. Спасателей вызывать. Заклинило ее.

– Ну, мы и без спасателей обойдемся. Посмотри-ка...

Левая рука мертвеца, как и правая, тоже пострадала от огня, но... Колосову казалось, у него под пальцами мертвая сухая глина. Он осмотрел кисть – пальцы скрючены, словно мертвец в последнее мгновение жизни цеплялся за воздух. Кожа в багровых лишаях ожогов и копоти.

– Помоги разжать ему пальцы.

Грачкин более не задавал вопросов.

– Ну, хвала аллаху, – сказал он через несколько секунд. – На мизинце и безымянном ожогов нет. Пригодны для идентификации. Видимо, когда после выстрела он сполз вниз, рука попала в щель между сиденьем и дверью и огонь до нее не добрался.

Мигом откатали пальцы прямо тут, на месте. Однако материал был такой ненадежный, что эксперт решил подстраховаться и дополнительно занялся отпечатками, когда тело перевезли уже в морг Нижне-Мячниковской больницы. Вскрытие назначили на половину второго. И все оставшееся время Колосов провел на двадцать третьем километре, осматривая участок шоссе, колею в траве, холм и берега пруда.

Чудно было как-то, что такая красная, такая крутая и дорогая машина могла оказаться среди ночи в такой затхлой дыре. Никита пытался рассчитать по времени. Итак, патруль заметил дым с дороги в 6.15 утра. По словам гаишников, когда они подъехали к месту, тачка уже полыхала. Но одно дело, если бы на нее плеснули бензином – тогда возгорание было бы делом одной минуты. Однако при осмотре в салоне следов бензина или каких-то иных горючих веществ обнаружено не было. Правда, это их с Грачкиным предварительное предположение, окончательно все разъяснит пожарно-техническая экспертиза, но...

Да не обливали этого типа бензином из канистры! А она, наполовину полная, как раз и имела в не тронutom огнем багажнике – это факт. Колосов следил за точными и неторопливыми движениями судмедэксперта. И во время вскрытия на коже не выявлено следов бензина. Странный самодельный костерок сложили на переднем пассажирском сиденье... Кто же это сделал? Что там было? Обугленные ветки, обрывки ветоши и... этот чертов резиновый коврик, он все еще тлел, смердел. Его даже раза два водой поливали. Резина горит тяжело, неспешно. Значит, между моментом, когда машину подожгли таким вот «неэкономичным» способом, и временем, когда патруль увидел клубы дыма из-за холма, могло пройти...

– Точное время смерти, судя по тому, что мы этакое вот жаркое имеем... – Грачкин осуждающе вздохнул, кивая на тело на оцинкованном столе. – В общем, ничего точно я тебе не скажу. И путать даже вас не хочу своими догадками. Может, пожарные что подскажут, рассчитают время возможного загорания. Я же перехожу к тому, что очевидно. Итак, труп мужчины, приблизительно 35–40 лет. Сильное обгорание тканей, особенно пострадали ноги, тазобедренный, правая сторона туловища, лицевой и шейный отделы. Однако все эти повреждения от действия высокой температуры носят не прижизненный, а посмертный характер. На что указывает состояние внутренних органов и дыхательных путей. Причиной же смерти явились два огнестрельных ранения черепа. Повреждены правая височная доля с раздроблением кости и челюстной отдел. Причем оба ранения, как височное, так и челюстное, – слепые.

Колосов следил за Грачкиным. Сейчас патологоанатом напоминал скульптора, обхаживающего драгоценный мрамор, – извлечение пуль при слепых ранениях – дело виртуозное. Итак, длина раневого канала... наличие на коже следов пороховых газов...

– Так в упор стреляли-то? – спросил Колосов, когда Грачкин вооружился хирургическим зондом.

– С очень близкого расстояния. Стрелявший либо сидел рядом с потерпевшим в машине на пассажирском сиденье, либо стоял рядом с правой стороны. А вот и пуля. Любуйся.

Колосов рассматривал пулю, выложенную на белый фаянсовый лоточек. Через несколько минут к ней присоединилась и вторая, извлеченная Грачкиным из другой раны.

– Я, конечно, не спец в вашей баллистике, – Грачкин хмурил светлые брови, – но...

Колосов осторожно взял осклизлый бесформенный комочек. Сплюснутая пуля. Странная какая форма. Похоже, вроде от «ТТ», но...

– Упакуй, пожалуйста, я сам в экспертное управление отвезу, – попросил он. – Больше, Евгений, ничего мне сказать не желаешь?

– А что? Сам видишь. Расстреляли его, как мишень в тире. Умер он почти мгновенно от ранения в висок. Второй выстрел, видимо, был контрольным. Ну, тут рука малость дрогнула, пуля в челюсти застряла. Потом для сокрытия улики машину подожгли при помощи, так сказать, подручных средств. Все оплавилось – там же сплошной пластик, хреновина. Ни одного дель-

ного отпечатка с этой гари так и не изъяли. – Грачкин прошел к раковине и начал мыть руки, обтянутые резиновыми перчатками. – С кем он к этому пруду поперся-то? И главное – зачем?

Да, это был, конечно, интересный вопрос. Колосов хмыкнул. Зачем неустановленный потерпевший съехал с оживленной магистрали в укромное местечко? И когда это произошло? Ночью? Или уже под утро? Колосов еще раз осмотрел распластанное на столе тело – невидимка-потерпевший, прячущийся под этой черной обугленной маской. Невидимка и его убийца...

Что понесло его к пруду? По великой надобности? Так отчего машину не оставил на обочине? Боялся, что угонят? А может быть, у того типа из «Ауди» была с кем-то назначена там встреча? Но почему в таком поганом месте, ночью? К тому же следов присутствия у пруда какой-то другой машины не выявлено. Никита вспомнил, как он сам чуть ли не десять раз обыскал все вокруг. Только следы протекторов грузового транспорта, но недельной давности, а то и больше. Быть может, тот, с кем была назначена встреча, пришел к пруду пешком? Или проще – приехал на машине, оставил ее на дороге, а сам прогулялся за кусты? Или же еще проще – приехал вместе с потерпевшим в одной машине? Но зачем их понесло ночью к этой яме с водой, загрязненной грязью и бензином?

– Ну, бог в помощь, Никита. – Грачкин потянул с рук чисто вымытые перчатки. – Костюм-то теперь тебе в химчистку придется отдавать. Пиджак еще ничего, но брюки... Вот ведь жалость какая.

Колосов глянул на свои бежевые парадные брюки. Следы черной жирной копоты – как пятна на жирафе. Грачкин вышел в стеклянный предбанничек и тут же моментально метнулся к телефону. «Катюша... но я же сказал... Звоню-звоню, а ты что ж к телефону демонстративно не подходишь?» – донеслось через минуту до Колосова. Он вздохнул: дело с самого начала поворачивалось той самой паскудной стороной, которую он терпеть не мог, – научной. Никаких активных действий, никакого розыскного ажиотажа по горячим следам. Сиди и жди, когда придут из ЭКУ результаты дактилоскопической экспертизы, пожарно-технической, баллистической, химико-технологической, экспертизы горюче-смазочных веществ и... Чтоб их всех черти разорвали!

Колосову смерть как было жаль новые брюки.

Глава 3

ИЗЮМИНКА?

Все как-то подернулось серой пылью. Грешно, конечно, с такими мыслями начинать новый рабочий день, да что делать-то?

Политика, политика, политика. Что же дальше-то будет? А по части неполитических новостей... Катя с тоской оторвала взгляд от телевизора, где только что окончился информационный выпуск, увидела свой стол, заваленный подшивками газет. Тут же коротал время увесистый том сводок происшествий. Сколько же всякой информации! Но – хоть разорвись – писать абсолютно не о чем.

Всем – редакторам газет, издателям сборников и журналов – с некоторых пор требуется не просто «жуткое» сенсационное преступление, а еще и с какой-то... изюминкой. Эта самая изюминка уже начинала сниться Кате в виде огромного черного яйца, которое снесла гигантская курочка Ряба.

Самое-то главное, все эти ужасные газетчики сами толком не знали, что им подойдет. «Многие темы уже набили читателю оскомину. Потеряли актуальность, приелись. Необходим принципиально новый подход к концепции подачи криминальной хроники». Катя слыхала подобные рассуждения уже сотни раз.

«Ну подумаешь, велика новость – в поселке Старая Ситня после совместного употребления спиртных напитков муж, приревновав жену к соседу, нанес ей сорок девять ран кухонным ножом, – заявил как-то Кате редактор субботней полосы криминальных новостей из «Вестника Подмосковья». – Ну кого нынче удивишь пьяной оргией? Ревность, вспыхнувшая в парах дешевой водки... Нет, все это пошло, пошло, Катюша. И надоело читателю хуже горькой редьки. Читателю знаешь что хочется? Большой и чистой любви. Понимаешь? Эдаких шекспировских страстей, а не этого вот деревенского позорища». Катя тогда промолчала: к чему разубеждать журналиста, который считает, что он прав? Просто редактор криминальной полосы не видел того, что произошло в Старой Ситне. В той квартире, в крохотной облезлой кухне с ржавой раковиной, с кишашими по всем углам рыжими тараканами, где муж из ревности резал жену, все стены, весь пол и даже потолок («частичные обильные потеки» – было сказано в протоколе осмотра) были красными от крови. А женщина, несмотря на все свои сорок девять ножевых ран, восемь из которых были проникающими в брюшную полость, была еще жива, когда ее на «Скорой» везли в больницу. Как говорили Кате врачи – все просила, умоляла, чтобы не трогали мужа-убийцу: «Я одна во всем виновата. Он не хотел... Он любит меня».

Катя отодвинула газеты в сторону, присела на краешек стола. Значит, надоела читателю пошлость и хочется «большой и чистой любви». А ту женщину, кстати сказать, не спасли. Она умерла в лифте, когда ее везли в операционную. Врачи вообще удивлялись, как она еще так долго продержалась при такой кровопотере. «Видимо, алкоголь способствовал, – сказал Кате дежурный хирург, – она же пьяная была в дупель. А пьяным, как известно, – море по колено».

Затрезвонил телефон. Звонил редактор еженедельника «Закон и правопорядок». «Чем нас порадуете, Екатерина Сергеевна? Вы, помнится, обещали. Что-то подыщите? Желательно, что-нибудь не совсем обычное, с эдакой изюминкой. Читатель это любит. Итак, я жду для следующего номера».

«Ах ты боже мой, – подумала Катя. – Вот наказание-то...»

Несмотря на утренний час, в кабинете пресс-центра было жарко и душно. За окном – яркое до слез солнце, которому безумно рад один лишь сохлый кактус на подоконнике. Катя начала долгое и упорное сражение со створками окна, те никак не желали распахиваться настежь. Внизу к подъезду ГУВД одна за другой подъезжали, отъезжали машины. От милицей-

ских мигалок рябило в глазах. Вот от здания Зоологического музея, что находился напротив, отъехала пыльная черная «девятка». Кате эта машина была знакома. Никита Колосов, которого она не видела лет, наверное, сто, убывал куда-то в неизвестном направлении. Она бегло просмотрела последнюю сводку. Нет, новых ЧП в области не произошло. Значит, Колосов куда-то отправился по старым делам.

Все куда-то едут, все чем-то заняты, все живут полной жизнью, а ты сиди, глотая пыль старых подшивок, чихай и пялься в постылый компьютер. Нет, так нельзя! Катя резко оттолкнулась ладонями от нагретого солнцем подоконника. Баста! Берем себя в руки. А все Сережка Мещерский виноват! Ну кто сказал, что тоска – не заразная болезнь? Да хуже кори заразная! Вот пообщалась вчера с опечаленным Серегой и...

Катя вспомнила глаза Мещерского – темные-темные, грустные-грустные. Он был, как всегда, вежлив, приветлив, но сам витал где-то... Бог весть где. Не с ними.

Катя снова обратилась к толстому тому сводок. Все, что у нас есть, – это три странных происшествия, случившихся в один день. Как она вчера расписывала их Сереге, как пыталась все представить в интригующем свете! А сейчас... Боже, что за чушь. Ну, убийство на двадцать третьем километре, труп мужского пола в сгоревшей машине. Ну и что в этом происшествии загадочного? Где тут вожаемая изюминка? Да жулик какой-нибудь, мошенник или браток. Правильно Вадька вчера сказал. Кокнули его скорее всего свои же урки-дружки, и, наверное, поделом. А для того чтобы замести следы, машину подожгли. Что, разве впервые такое в области происходит? Среди выезжавших в составе следственно-оперативной группы кто у нас? Ага, Колосов. Ну, оно и понятно. Начальник отдела убийств просто честно отрабатывает свой хлеб.

А второе происшествие и вообще смехота. Подумаешь, несчастный случай в цирке! Да рвань какая-нибудь, этот цирк бродячий. И лев, наверное, там – отощавший от голода беззубый рахитик. И вообще, это еще проверить надо, а было ли такое происшествие. Может, эти цирковые все нарочно для рекламы выдумали, с них станется.

А случай осквернения могилы на кладбище... Катя полезла в шкаф и достала подробный атлас Подмосковья. Где у нас это Нижне-Мячниковское кладбище в районе Стрельни? Так... Прискорбно, но она еще ни разу не бывала в этом районе области. Да и район-то почти Москва. Стрельня – это огромная новостройка у самой МКАД, на границе столицы и области. Главная ее достопримечательность – ярмарка, оптовая или мелкооптовая, на которой, как люди говорят, все можно купить, даже... Короче – все, кроме Родины. Катя вспомнила глупый каламбур из рекламы и поморщилась. Ну, с точки зрения коммерции, цирк-шапито выбрал неплохое место. Издревле ведь где ярмарки, там тьма народа, балаганы, карусели разные...

«Ты же кладбище хотела смотреть!» – вернула сама себя Катя и трудолюбиво склонилась над атласом. Так, это чуть дальше от МКАД, почти на самой границе Мытищ. Старое, наверное, кладбище, вот и церковка тут крестиком обозначена. Взгляд Кати случайно упал на соседнюю страницу атласа – зеленые квадраты, желтая извилистая линия – объездное шоссе Москва – Стрельня, а вот и двадцать третий километр. Катя смотрела на карту: на бумаге все так близко, расстояние всего в несколько сантиметров. Нет, ну надо же все-таки, в один день, практически в одном и том же месте и происходят три таких непохожих друг на друга события!

Кате вспомнился взволнованный голос дежурного Стрельненского отдела: «Дикие подробности осквернения могилы...» Она быстренько прикинула, к кому бы можно было прямо сейчас обратиться за дополнительной информацией. О ЧП на кладбище знал весь главк. Но все либо прочли про это в сводке, либо слышали от кого-то. В Нижне-Мячниково выезжали местные сотрудники да бригада из областного ЭКУ. Но экспертам, людям архизанятым, Катя, хоть и могла, звонить не стала. Они по рукам и ногам скованы рамками своих заключений. И опять же – снова звонить в Стрельню смысла нет. По телефону все равно ничего не добьешься. Ехать туда надо, мчаться на вороных. Ведь собираются же они как-то ловить этого, с кладбища? Но, с другой стороны, отчего все там так встревожены? Кажется, что убийство на

двадцать третьем километре так не взволновало Стрельненский отдел, как эти ночные кладбищенские кошмары. Почему все местные «профи» говорят об этом сквозь зубы и чуть ли не с содроганием? И у нас тут тоже вон в сводке против Нижне-Мячникова жирным шрифтом грозное: «В прессу не давать!»

Катя посмотрела в окно – день-то какой хороший... Сейчас она не ощущала никакой жуткой и таинственной ауры, окружавшей это происшествие. А ведь вчера пыталась представить Кравченко и Мещерскому это событие в самых черных красках. Может быть, оттого, что до сих пор сама толком ничего не знала?

Кладбище, надо же... Гранитные памятники, кресты и ограды, тень старых тополей и лип, цветущий жасмин и белая сирень. С кладбища, помнится, прилетал в сказке соловей Андерсена, и принцесса рвала там жгучую крапиву, чтобы сплести рубашки братьям-лебедям. И потом, на кладбище всегда такая тишина, такой покой, такая ленивая безмятежность. Особенно в знойный полдень, когда на траве сеть солнечных пятен и никнут от жары в цветниках анютины глазки...

Катя на секунду зажмурилась. Лирика. Вот и отправляйся туда. Как раз завтра и поезжай. Но сначала загляни в местный отдел милиции. Она сверилась со справочником: увы, среди сотрудников Стрельненского ОВД она никого не знала. И Катя решила покинуть душный кабинет и спуститься в розыскной отдел, чтобы там всезнающие и дружелюбные сыщики сообщили бы ей, немного поломавшись для вида, координаты верного человечка, который согласился бы терпеливо и подробно ответить на все ее любопытные репортерские «как» и «почему».

Глава 4

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Однако в розыске ее встретили тишина и закрытые двери кабинетов. Середина недели – время, когда все сотрудники разъезжаются по районам. Вот досада! Катя в нерешительности застыла посреди коридора, созерцая на спортивном стенде кубки и медали, выигранные УУР.

– Выпишите ему пропуск, пожалуйста. Федоров Илья Николаевич. У него паспорт должен быть с собой. Алло, тут меня прервали, свидетель в бюро пропусков ждет. Так вы говорите, характер повреждений, нанесенных труп, свидетельствует о большой физической силе фигуранта? А чем он орудовал? Лопатой? Да неужели простой лопатой можно вот так...

Катя тихонько подошла к двери (первая от окна справа), неплотно прикрытой по случаю духоты. Ба, Андрей Воронов собственной персоной. А ведь он же в отпуске...

Воронов был самым молодым, но, по мнению Кати, самым толковым из молодых сотрудников УУР. Все свое свободное время он отдавал литературе. Сочинение стихов и героических баллад было для него даже не хобби, а способом существования. Баллады удавались ему особенно складно, в их персонажах легко было узнать товарищей Андрея по оружию. Стихи перекладывались на немудреную музыку и распевались под гитару в хорошей дружеской компании летними вечерами у костра.

Воронов никогда не упускал случая почитать свои стихи и Кате, мнение которой ценил. И от ее похвал, на них она никогда не скупилась, его пухлое, еще совсем мальчишеское, но уже отмеченное печатью напускной профессиональной серьезности лицо светлело.

Сейчас, однако, ничего, кроме суровости и хмурой озабоченности, на этом лице не читалось. Увидев в дверях Катю, Воронов зажал трубку плечом, замахал рукой и начал ногой выдвигать стул: заходи, мол, садись, я сейчас.

– Но я не понял, – буркнул он в трубку, – что же это у нас фактически получится – судмедэкспертиза или эксгумация? А результаты? Комплексные исследования? Да там черт знает сколько времени пройдет! А нельзя ли побыстрее, вне очереди? Да, я понимаю. И мы тоже с подобным впервые столкнулись...

Катя оглядывала кабинет: Воронов коротал время в одиночестве, два его напарника отсутствовали. На подоконнике вовсю надрывался маленький вентилятор. Толку от него в этой духоте не было никакого. На стене над вороновским столом висел красочный плакат с изображением Судьи Дредда во всем его космическом великолепии. Ниже красовался плакат поменьше, где черной тушью была написана следующая рекомендация: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый. Чтобы разумением своим не смущать начальства». И подпись: Петр I, царский указ за номером...

«Вот Никита вернется, покажет тебе «вид придурковатый», – подумала Катя беззлобно, – очень грамотные стали, оперились, птенчики».

– Почему ты в гордом одиночестве? – спросила она, когда Воронов бухнул трубку на рычаг. – А где все ваши?

– Шеф всех озадачил по Стрельне, – Воронов уныло смотрел на свои кроссовки, – там экспертиз – воз и маленькая тележка.

– Колосов лично убийством на двадцать третьем километре занялся? – Катя задала вопрос самым равнодушным тоном. – Ну, а ты что же скучаешь?

– Я скучаю?! – Воронов обиделся так, словно его уличили в том, что он ворует варенье из буфета. – Соскучишься тут, как же. Вот она, моя бумажная могила, – он пристукнул ладонью по тонюсенькой папке на столе.

– Что-то серьезное? – рассеянно спросила Катя.

– Да... черт, люди делом заняты, а мне всю чернуху сваливают. Сиди тут, корпи, бардак этот шизоидный проясняй.

– Кто работает, Андрей, на тех обычно и навьючивают. С дурака-то какой спрос? А ты умница у нас...

– Про это я и говорю. – Воронов от похвалы сразу успокоился. – Вообще-то дело это сама Стрельня ведет. Сначала в дознание отписали, а как поглядели, какие там факты, и следствие, и розыск, и даже прокуратура подключились. Ну, а меня Никита Михайлович вроде координатора-куратора от нашего отдела поставил. Теперь с командировками на этот погост зашьюсь на все лето!

– Это в Нижне-Мячниково? – осторожно спросила Катя. – Что же это, дело не ваше, причем же тут отдел по раскрытию убийств?

– Да шеф что-то перестраховывается. – Воронов поморщился. – Сама знаешь, у Никиты нашего фантазии порой бывают... Правда, в чем-то, возможно, он и прав. В области чудо-юдо новое объявилось. Да такое, что хоть стой, хоть падай. И такие с трупов обычно только начинают. Сегодня он с мертвяками куролесит, а завтра жди его где-нибудь на дороге у станции, потрошителя чертова.

– Потрошителя? – Катя переспросила это совершенно уже другим тоном. – Слушай, Андрюшечка, золотце... Хитрить мне с тобой не хочется. О случае на кладбище что-либо в прессу давать пока строго запрещено. Но я и не тороплюсь. Мне только не нравится, что все это окутано какой-то непонятной тайной. Какие-то недомолвки. Почему?

– Почему? Потому что волновать не хотят, населению мозги будоражить раньше времени. И потом, это дело такого сорта, Катя...

– Да какого сорта-то? Что произошло на кладбище?

– Восемнадцатого июля, не далее как во вторник, прошли похороны местной жительницы. Много народа пришло проститься, у умершей большая родня и в Нижне-Мячникове, и в Стрельне. Соседи, просто знакомые – в маленьких поселках всегда так. Ну, похоронили. А девятнадцатого утром могильщик обнаружил, что могила вскрыта. Кто-то сорвал с гроба крышку, вытащил тело. Его нашли... точнее, расчлененные части его обнаружили в разных местах, некоторые даже довольно далеко от могилы.

– Мертвеца расчленили?

Воронов молча достал из папки какую-то справку, подал Кате. Она прочла текст, сначала даже не поняла, что это, а потом содрогнулась: «Множественными ударами режущего предмета вскрыта грудная клетка, разрезаны мягкие ткани груди и бедер, раздроблен тазобедренный сустав, повреждены внутренние органы, сердце, печень, кишечник...»

– Сердце ее в развилке дерева обнаружили. У соседней могилы вишня растет, ствол корявый такой... Сердце он зашвырнул туда, предварительно вырезав из трупа. На что Лина Павловна (он говорил об эксперте-криминалисте Владимировой, отработавшей почти тридцать пять лет, в областном главке ее знали все), человек железный... Так она в обморок грохнулась, когда эти художества увидела! Мне ребята из розыска Стрельненского рассказывали: не кладбище, а мясная колода для разделки туш. – Воронов мрачно созерцал папку. – Фотографии должны прислать. Готовы уже. Лучше б я их не видел.

– А следы полового контакта?

– При тебе же с МОНИКИ говорил – там очередь километровая на биологическую экспертизу. Тем более такую мертвечину к ним везти...

– А что люди говорят? Кто был на похоронах? Могильщики – они ничего подозрительного не заметили? Да сам-то ты был там?

– Еще не был. Колосов мне только сегодня этот мрак отписал. В порядке шефства, так сказать. Держать под контролем на случай...

– Вы что, подозреваете, что этот потрошитель с мертвецов на живых перекинется?

– Да ты видишь, какая жара стоит? Тут у здоровых мозги плавятся, не то что у ущербника какого-нибудь озабоченного. А насчет свидетелей... Я в Стрельню звонил, ну насчет могильщиков – труба какая-то с ними. То ли в шоке они до сих пор, то ли пьяные вдрызг. В общем, дурдом. – Воронов покрутил пальцем у виска. – Ко мне сейчас брат придет, я его по телефону сюда в Москву вызвал. Пропуск уже заказал.

– Чей брат?

– Умершей. Федоров Илья. Показания нужно снять. Но все равно допросом одним не обойдешься. Придется ехать в этот бардак.

– Андрюша, а можно я тут посижу, поприсутствую на беседе, а? Это дело, ты прав, такого сорта, что... ну просто за рамки выходит! Кстати, Федорову этому сколько лет?

– Умершей сорок пять было, а это ее старший брат.

– Знаешь, мне лучше поприсутствовать на вашей беседе. Ты не против, нет?

Воронов вздохнул. Кому-кому, а Екатерине Сергеевне отказать трудно.

В дверь кабинета осторожно постучали. На пороге стоял крепкий, еще не старый лицом и телом, однако совершенно седой, точнее, даже белый как лунь мужчина. И в этой его седине было что-то такое... Катю поразили контраст между загорелой, загрубелой кожей и этими бесцветными, мертвыми волосами старика.

– Илья Николаевич, здравствуйте, проходите, садитесь, пожалуйста. – Воронов поднялся из-за стола и как-то неловко засуетился. – Быстро же вы приехали.

– Начальник автоколонны свою машину дал, сразу, как вы только позвонили. – Федоров грузно опустился на стул.

Казалось, ни Воронов, ни свидетель не знают, с чего начать. Ситуация была совершенно необычной для рутинного опроса очевидца.

– Илья Николаевич, поверьте, мы так же, как и вы, потрясены случившимся, – вместо Воронова проникновенно начала Катя, – ничего подобного в Подмоскovie прежде не случилось. Это чудовищное преступление. И тот, кто это совершил, будет наказан. Мы сделаем все, чтобы найти этого человека. Но без вашей помощи нам будет трудно.

– Да, я понимаю... Вы ж тоже на работе, на службе. Я понимаю, девушка... – Федоров глянул на них, поправил воротник рубашки, потом зачем-то вытащил из нагрудного кармана расческу. – Спрашивайте. Что смогу – помогу. Да только вот... Эх, да что теперь уж.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей сестре Анне Николаевне Сокольниковой. Где жила, кем и где работала, семейное положение. – Воронов осторожно глянул на Катю, словно спрашивал – так ли начал?

Всегда уверенный в себе и даже иногда развязный, он при этом белом как лунь мужчине, который по возрасту годился ему в отцы, отчего-то чувствовал себя не в своей тарелке.

– Ну, с дочкой они жили, с Веркой, племянницей моей.

Что-то почувствовала Катя в этой первой же, вроде бы нейтральной фразе Федорова о племяннице – горечь, злость, боль?

– Квартира у них однокомнатная на улице Коммунаров. Благоверный-то не претендовал, дочери оставил.

– Ваша сестра развелась с мужем? – спросила Катя. – Давно?

– Давно, Верке десять было...

– А сейчас сколько же вашей племяннице?

– Восемнадцать в августе будет. Школу в этом году кончила, десятилетку.

И снова Кате почудилось в его фразе о племяннице что-то...

– Фамилию, имя и адрес бывшего мужа вашей сестры не подскажете? – Воронов деловито придвинул лист бумаги.

– Сокольников Иван... а по батю его... да забыл, сколько годов не виделись. И адреса не знаю. Он из Стрельни в Москву подался. Вроде на хладокомбинате где-то работает.

– Он был на похоронах Анны Николаевны? – спросила Катя.

– Нет.

– Но ему сообщили?

– Верка говорила – мол, звонила отцу. Вроде не застала его.

– А кто взял на себя организацию похорон? Вы? – спросил Воронов.

– Да вся родня понемножку скинулась: я, младший наш брат Петро, дядя Кузьма и тетя Света – это двоюродные наши по отцу, потом Северьяновы – по матери родня из Стрельни самой, потом Васька Грузин с машиной помог, ну, а на поминки – соседи по дому само собой – Грызловы, Морозова Александра и...

Катя терпеливо, не перебивая, слушала длинный перечень родичей и соседей Сокольниковой. Так всегда в маленьких поселках и деревнях – родословное древо, корни, одним словом.

– И все эти люди присутствовали на похоронах? – спросила она.

– Конечно, еще больше было, многих я уж и не помню. Аню любили все. Человек она была добрый, душевный.

– А где ваша сестра работала? – спросил Воронов.

– Да в сельпо почти всю жизнь. Потом, как магазин приватизировали, Васька Грузин ее все равно оставил: честная потому что. Ни копейки никогда ни у кого. Никакого обману.

– Этот Грузин... Прозвище у него такое, а фамилия как же? – простодушно осведомилась Катя.

– Фамилия Васьки – Луков. Наш он, мячниковский. А Грузин – прозвище с войны.

– С какой? – опешил Воронов.

– Ну, с Афгана. Солнцем его там обожгло, опалило. Черный вернулся. Ну и пошло по поселку – Грузин и Грузин.

– А что же, выходит, этот Василий Луков денежный, раз магазин выкупил и вашу сестру работать оставил? – спросила Катя.

– Ну, он афганец, с медалями, с ранениями, у них льготы... Сначала-то он на ярмарке палатку держал, потом расторговался помаленьку. К нам перебрался. Магазин-то один в поселке, выгодное место.

По настороженному взгляду Воронова Катя поняла: наконец-то до того дошел истинный смысл ее настойчивых вопросов об этом Ваське Грузине. Воронов догадался, какой именно вопрос ему сейчас предстоит задать свидетелю:

– Вот что, Илья Николаевич... не пойми нас с коллегой неправильно. Сестра ваша хороший был человек, мир ее праху, но... Не могу по долгу службы не задать такой вопрос...

– Какой? – Федоров вскинул на него глаза.

– С мужем она давно развелась, одинокая была, значит. С мужиками-то у нее как было? С этим Луковым, например?

Федоров отреагировал на скользкий вопрос холодно, внешне спокойно:

– Ну, ходил он к ней, а что?

– Жили они вместе? Хозяйство вели совместное?

– Нет. Ходил – и все. Он моложе ее. Да и она снова хомут на шею вешать не хотела. Благоверный-то ее, Ванька Сокольников, алкаш был конченный, забулдыга.

– А еще был кто-то, кроме Лукова?

– А ты что же, сопляк, сестру мою за... держишь?

После спокойного безжизненного тона Федорова такой всплеск темперамента был точно крик души. Кате больно было смотреть на этого человека – руки его не находили себе места. Это был настоящий комок нервов, и только огромным усилием воли старался скрыть свое волнение.

– Илья Николаевич, ради бога... Сядьте, сядьте, пожалуйста. Поймите вы, никто тут не хочет копаться в грязном белье, никто не собирает сплетен о личной жизни вашей покойной

сестры. Но мы должны, понимаете, обязаны это и еще многое другое спрашивать у вас. Знаете, почему должны? То, что он сотворил с вашей сестрой... Его не где-то в Москве, не где-то далеко за тридевять земель искать нужно, понимаете? Он здешний либо живет где-то поблизости. – Катя и сама не знала, отчего утверждала это с такой уверенностью. – Возможно, он был в тот день на кладбище, возможно, прежде знал вашу сестру. Может, видел ее в магазине, может, еще где-то встречал, услышал о ее смерти и... Там ведь много могил на кладбище – а он ни одной не тронул, кроме... Только вашей сестры покойной, свежую.

– Там не только ее могила свежая была. Старуху Карасеву третьего дня схоронили. И Мишка Говоров из Стрельни на мотоцикле убится. – Федоров говорил вяло. И по его осевшему, утратившему гневные ноты тону Катя поняла, что с ним можно говорить дальше.

– Быть может, сами вы, Илья Николаевич, замечали, что кто-то из мужчин заглядывается на вашу сестру? Вы часто ее видели? – спросила она тихо.

– Да каждый день почти. Я же шофером автобуса работаю. Седьмой маршрут как раз от ярмарки в Стрельню через наши Мячники. Ну, по пути и заскочишь к Анюте, то сигарет купить, то еще за чем. Все сестре оборот торговли. А насчет заглядывался ли кто... Так она ж цельный белый день на народе была за прилавком-то! Пришел покупатель, ушел покупатель... С ярмарки едут мимо с оптовой цельными автобусами, потом дачники...

– Я вас просил фотографию ее захватить, – сказал Воронов. После окрика Федорова он присмирел.

Федоров достал из внутреннего кармана куртки бумажник. Извлек крохотную фотографию. С нее на Катю смотрела упитанная сорокалетняя женщина с ярко подведенными черными цыганскими глазами, гладко зачесанными темными волосами и маленьким, напоминающим пухлый кокетливый бантик, ртом. Было даже как-то не по себе от того, что такая пышка, из тех, что «в сорок пять – ягодка опять», и уже в могиле, в сырой земле.

– Отчего она умерла? – спросила Катя.

– Сердце.

И от этого будничного ответа у Кати мурашки по спине побежали. Это ее больное сердце некто, более схожий не с человеком, а с кровавым чудовищем, прокравшись ночью на кладбище, вырвал из груди и забросил на ветки старой вишни... Боже, да что же это? Немудрено, что в Стрельненском ОВД все в шоке. Они же на место выезжали... Видели это.

– Она что, сердечница была, гипертоничка? – спросил Воронов.

– Нет, не жаловалась никогда. Даже к врачам в город почти не ездила.

– А что же тогда с ней случилось? Может, перенервничала, переволновалась?

Федоров как-то странно глянул на молодого сыщика. Снова в кабинете повисла неловкая пауза.

– Племянница ваша теперь одна осталась. Вы девочку пока к себе не заберете, ну, на первое время? – спросил Воронов.

– Нечего ей у нас делать. Она сама себе хозяйка. Больно самостоятельная. Впрочем, захочет – пускай живет. Мы с женой не против.

– Как же девочка будет жить одна? – осторожно спросила Катя. – Только школу окончила. Ни работы, ни профессии, ни семьи. Сирота.

– Ничего, не пропадет. Не беспокойтесь.

– А побеседовать с ней можно? – спросил Воронов.

– Отчего же, – Федоров криво усмехнулся. И хотя губы его змеились в ухмылке, в глазах была горечь и боль. Ухмылка и неприязнь – это все, что нашлось у него для родной племянницы. И это показалось Кате диким и неприятным.

– Тебе не показалось, Андрюша, что этот шофер словно бы винит девочку в чем-то? – спросила она Воронова, когда они остались одни в кабинете. – В смерти матери винит?

– Да это он еще тихий сейчас, – сыщик покачал головой, – мне стрельненские звонили из розыска: он же видел могилу, понимаешь? Могильщики-то, дураки, перед тем как в контору добежать, чтобы нам позвонить, кому ни попадя по дороге рассказали. А там поселок, свои люди. Пока милиция доехала, Федорову стукнули – шоферня же! Он прямо на автобусе туда. Его патруль не пускает, а он в драку с нашими-то... Его еле успокоили. Он же увидел все... Ну, домой отвезли. А он, стрельненские говорят, за ночь вот так поседел. Был шатен с проседью, а стал старик стариком. С горя, что ли? Или от потрясения? Там, Катюша, все это Нижне-Мячниково сейчас, как котел с кипятком, бурлит. Настрой у местных мужиков такой, что наших милицейских разбирательств никто ждать не будет. А как что стукнет кому в голову, особенно если по пьянке или если на кладбище кого заловят, – башку на месте снесут. Потому и тайны тут у нас, чтобы не усугублять накал страстей, так сказать...

– Тяга к трупам как называется? Некрофилия? – Катя поежилась. – Только этого нам не хватало. Когда в Стрельню-то думаешь ехать?

– Как Колосов распорядится. Все же пока формально это не наше дело.

– Знаешь, Андрей, что я тебе скажу... Да по сравнению с этим случаем никакие убийства даже и рядом не стоят! – сказала Катя. – Так что...

Тут снова зазвонил телефон. Хмурый Воронов буркнул в трубку:

– Где-где, все на выезде... я один. Ладно, сейчас зайду.

Катя поднялась, и они вместе вышли в коридор. Попрощавшись с ней, Воронов пошел в секретариат – звонили оттуда, просили забрать почту и пришедшие на имя Колосова бумаги из экспертно-криминалистического управления.

Андрей расписался в получении каких-то «предварительных результатов», каких – даже не взглянул, не имел привычки копаться в чужих документах. Катя тоже не поинтересовалась, что это. Она все еще была под впечатлением беседы с Федоровым. Она и не подозревала, началом каких событий станет эта новость из ЭКУ, запечатанная во вместительный гербовый, такой официальный пакет.

Глава 5

ОПЕРАЦИЯ «ПОЛИГОН»

На эти документы, положенные кем-то из сотрудников ему на стол, Колосов поначалу тогда не обратил внимания. Утро он провел на совещании в министерстве и, вернувшись в главк, все еще душой был там, в той разреженной атмосфере больших баталий, где с начальной трибуны летели в переполненный зал грозные окрики высокого и высочайшего начальства: усилить, активизировать, взять под контроль, стабилизировать, приступить к оперативной разработке, задокументировать, ликвидировать выявленные недостатки и упущения. А тем временем негласно в самом воздухе высокого собрания витали совсем иные настроения, грезы, мечты, идеи, надежды, чаяния: кого сняли, за что? Кого назначили, вместо кого? Кого вышибли на пенсию? Кого повысили в звании, кого выдвинули на открывшуюся вакансию?

Короче, всей этой бюрократической суетой привычный ритм работы был малость нарушен. Слава богу, что совещание в министерствах случаются не каждый день.

Бумагами Колосов занялся лишь после того, как созвонился с районами, в свою очередь обрушив на собственных подчиненных град указаний и ЦУ: поднажать, активизировать, взять под контроль. Первым в стопке документов шли предварительные результаты пожарно-технических исследований сгоревшего на двадцать третьем километре автомобиля и анализ горючесмазочных веществ.

Эксперт подробно описывал факты, сводя их к единственной, по его мнению, причине возгорания – поджогу. Однако ответ на вопрос о примерном времени начала загорания – то, что больше всего интересовало Колосова, экспертом дан так и не был. Далее он ознакомился с предварительными выводами баллистиков, сопровождая чтение их справок раздраженно-недоуменным хихиканьем. Пули, извлеченные экспертом Грачкиным из черепа убитого водителя, действительно принадлежали пистолету «ТТ». Но эксперт обращал внимание и на отсутствие некоторых обычных признаков, характерных для этой марки оружия. Словом, вывод, который с трудом усек Колосов из туманных фраз баллиста, был следующим: пули от «ТТ», но точно сказать, что стреляли именно из него... Одним словом, ищите пушку, друзья-сыщики, тогда я уж сделаю вам точное заключение, комар носа не подточит.

Информация из ГИБДД, куда направили соответствующий запрос о владельце «Ауди», была еще суше и скуднее: в банке данных угнанного автотранспорта (в розыске называли сей банк «терпила») не числится. Зарегистрирована с августа 1996 года на имя гражданина Петухова, но в декабре того же года снята с регистрации, и номер аннулирован.

«Интересно, – подумал Колосов, – что это еще за бухгалтерия у них дорожная? Снят, аннулирован...»

Осталась одна последняя справка, короткая, и вот тут-то внезапно... Никита лениво пробежал ее глазами, и вдруг всю его апатию как ветром сдуло. Грохнув дверью кабинета, в которую из коридора ломился упругий сквозняк, он ринулся в соседний отдел. Там в гордом одиночестве несло службу за компьютером белокурое хрупкое создание в виде старшего оперуполномоченного Светланы Климовой.

– Светик, сто пудов, я думал, вы все в Можайске сегодня...

– Меня на хозяйстве оставили, – Климова не отрывалась от своего компьютера. В душе она была истый хакер. – Что, как всегда, срочно?

– Как всегда, – Колосов лучезарно улыбнулся (точнее, это ему так показалось, что лучезарно). – Волосы у тебя чудо какие, ну чистый янтарь, давно хотел сказать тебе...

– Не подлизывайтесь. Выходные данные? – она нажала нужную клавишу, компьютер выжидательно светился.

Колосов заглянул в справку:

– Аркадий Севастьянов, уроженец Новороссийска, 1962 года рождения, ранее судим в 1994 году Мособлсудом по статье... в общем, гранаты-пулеметы, незаконный оборот оружия. Приговор обжалован, новое судебное рассмотрение, оставлен в силе, приговор – четыре года лишения свободы с отбытием в... Из ЭКУ мне пришло, – он даже до разъяснений снизошел, – погибшего с двадцать третьего километра по дактилоскопии прокрутили. И поди ж ты, наш бывший клиент оказался!

Климова запросила базу данных. На экране рядом с фамилией Севастьянов появились несколько ключевых слов, весьма любопытных на взгляд непосвященного: Аммонит. Операция «Полигон» и Консультантов-Клиника.

– Ах, чтоб тебя, фраер ты ушастый... – последнее компьютерное откровение, видно, привело начальника отдела убийств в состояние эйфорического восхищения. – Светик, да ты просто «волшебница».

– Распечатку сделать? – невозмутимо осведомилась волшебница.

Разжившись распечаткой, Никита вернулся к себе. Прочел текст и... Дела он этого прежде не знал и не помнил, потому что отдел убийств областного главка им не занимался. Вся эта история, случившаяся более пяти лет назад, была в компетенции РУБОПа и только затем уже перекочевала в архивы Мособлсуда в виде копии приговора, вынесенного по делу, и в банк данных УУР в виде накоплений оперативной информации, оставшейся за рамками судебного разбирательства.

И в принципе, как сразу же показалось Колосову, из сведений, полученных сейчас на этого жмурика, личность которого на удивление быстро установили эксперты с Варшавского шоссе, уже вполне можно было слепить весьма связную и правдоподобную версию того, что же могло произойти ночью на этом двадцать третьем километре.

Никита был даже как-то разочарован таким скоропалительным и гладким раскладом. Сначала все представлялось так мрачно-загадочно: не поддавшийся идентификации труп, сожженный с варварской жестокостью, отсутствие каких-либо улик, способных пролить хоть какой-то свет на личность убийцы и жертвы. И вдруг, после нажатия какой-то там паршивой кнопки – здравствуйте вам, пожалуйста, – ну прямо чудесная перемена декораций! Солнечная ясность. В результате – почти готовая версия, которую нужно лишь четко сформулировать во всей ее красе и довести до сведения коллег.

Начальник отдела убийств сделал несколько срочных звонков подчиненным: орлы, все отставить, всем возвращаться к месту постоянной дислокации. Это маленькое производственное совещание по организации работы «по горячим следам» и активизации розыска ему не хотелось откладывать ни на секунду.

И вскоре собравшиеся в тесном кабинете шефа убийного отдела сотрудники поняли, что для такой авральной спешки у их начальника имеются все основания.

– Личность потерпевшего установлена. Аркадий Викторович Севастьянов. Более известный в определенных кругах под кличкой Аркан, Аркаша. До своего ареста в июле 1994 года занимал должность менеджера по связям с общественностью и пабликкрилейшенз в ночном шоу-клубе «Знойная зыбь» в Марьиной Роще. Задержан 27 июля 1994 года на завершающей стадии операции «Полигон» сотрудниками РУБОП и УФСБ при попытке сбыта партии взрывчатого вещества «Бластит», – Колосов невозмутимо зачитывал коллегам послужной список Севастьянова-Аркана, – при аресте пытался скрыться с места происшествия на автомашине марки «Форд», блокировка и задержание которой производились силами четвертого спецбатальона ГАИ на... Так, это, орлы, пропускаем. Вот что для нас любопытнее. – Он зашуршал справкой. – Согласно полученной в ходе операции «Полигон» информации Севастьянов на протяжении 1992–1994 годов активно занимался хранением, приобретением, транспортировкой и сбытом оружия и боеприпасов, используя для этого нелегальные каналы поставок из

Ставропольского края, с Кавказа и из Приднестровья. Как было установлено, ряд поставок шел через граждан Бойко, Файнберга, Асташина и Клемкина. Все осуждены в июле 1995 года Краснопресненским судом Москвы. Использовались также каналы полевого командира чеченских сепаратистов Исламбека Темирсултанова и молдавского преступного авторитета, вора в законе Симеона Димитриу, кличка Габор.

В настоящее время подельники Севастьянова отбывают наказание в... Одним словом, господа Бойко, Файнберг, Асташин все еще на нарах. За исключением Клемкина Олега, скончавшегося в марте 1998 года в изоляторе СИЗО 42018 от острой почечной недостаточности. Мир праху его. – Колосов вздохнул. – Но вот еще кое-что любопытное по этому нашему Аркану. Слушайте внимательно: в ходе расследования уголовного дела получена дополнительная информация о причастности Севастьянова к целому ряду нелегальных сделок с взрывчаткой и оружием, для организации и прикрытия которых он использовал свое служебное положение в качестве менеджера клуба.

Так, согласно донесению агента Волга в мае 1994 года Севастьянову поступил заказ на поставку партии аммонитовых шашек. Инициатором этой сделки явился некто Максим Консультантов, кличка Клиника, 1957 года рождения, ранее неоднократно судимый за кражи личного и государственного имущества, а также разбойное нападение на квартиру гражданина Иванова. У Клиники четыре судимости.

Освобожденный после отбытия последнего наказания в колонии строгого режима, проживал в Подмоскowie по адресу: поселок Стрешнево, улица Центральная, 18. Являлся предпринимателем. Содержал в поселке Стрешнево, а также в соседних Люберцах, Железнодорожном и Салтыковке сеть торговых павильонов по продаже продуктов питания. Это легально. Нелегально же состоял одним из теневых совладельцев сети игорных заведений (экспресс-казино, залы игровых автоматов, бильярдной) на Петровской оптовой ярмарке.

Согласно рапорту источника Волга 7 мая 1994 года в ресторане «Охотничья изба» в Южном речном порту состоялась встреча Консультантова и Севастьянова, где последнему поступило предложение о продаже партии взрывчатого вещества аммонит, используемого на взрывных работах при строительстве метро. Севастьянов предложил задействовать имеющийся в его распоряжении канал незаконного изъятия взрывчатки со складов «Геометростроя».

«Товар» предварительно был полностью оплачен Консультантовым. Через две недели Севастьянов доставил партию аммонитовых шашек на автомобиле марки «Газель» в подвал клуба «Знойная зыбь».

Однако, не вполне доверяя продавцу, Консультантов, прежде чем забрать взрывчатку, настоял на испытаниях в «боевых» условиях. – Колосов не смог удержаться, чтобы не выдержать в этом месте эффектную паузу. – Так, согласно информации источника Волга подобное «испытание» действительно состоялось на свалке в районе Северного Широкова. В качестве подопытной модели была использована автомашинa «Жигули» пятой модели, предоставленная Консультантовым, в которую и заложили несколько аммонитовых шашек.

На данных «испытаниях» присутствовали помимо Севастьянова, лично осуществлявшего всю подготовительную часть работы, так как после срочной службы в армии обладал навыками сапера, Консультантов, его знакомая Алла Морозова, а также два телохранителя Консультантова и его шофер.

Во время взрыва машины произошел несчастный случай, в ходе которого сильно пострадали Консультантов и гражданка Морозова. Последняя, будучи тяжело раненной, из-за страха разоблачения, по сведениям источника Волга, не была доставлена в лечебное заведение и скончалась в доме Консультантова в поселке Стрешнево.

Сам Консультантов получил осколочные ранения грудной клетки и лица, в результате которых у него развился парез лицевого нерва и потеря зрения правого глаза. По сведениям

источника Волга, данный несчастный случай произошел, как считал сам Консультантов, по вине Севастьянова, который пошел на сознательный обман заказчика и, не имея возможности достать аммонит, продал под его видом неустановленное взрывчатое вещество кустарного производства.

По выздоровлении Консультантов неоднократно выражал намерение рассчитаться с Севастьяновым. Однако каких-либо конфликтов между ними не состоялось, потому что в июле 1994 года Севастьянов был арестован, осужден и впоследствии отбывал наказание в учреждении 59/17 под Благовещенском.

По отбытии двух третей срока за примерное поведение Севастьянов в декабре 1998 года освобожден и с февраля текущего года работает помощником администратора передвижного цирка-шапито, гастролирующего по России и ближнему зарубежью.

– Уже не работает, Никита, – воспользовавшись паузой, резюмировал Михаил Королев – старший оперуполномоченный отдела убийств, переглянувшись с оживившимися коллегами, – я помню про взрыв на свалке. Из Москвы нам тогда ориентировка по нему приходила. Когда милиция туда приехала, там только ножки да рожки от «жигуля» валялись по полю, дохлые вороны да кровь была на земле. Потом уж слухи пошли: во что вылился Клиника такой вот фейерверк. Говорили, что Аркан кинул его по-крупному. Заведомо вроде знал, что дрянь подсовывает, а ведь не побоялся, паскуда, лично зарядить машину!

Та бурда самодельная каждую секунду рвануть могла прямо у него в руках. Ну и грохнула, конечно. Севастьянов-то – взрывник бывалый, укрылся, чуть не по уши, наверное, в мусор зарылся. А Консультантов – разиня, перед девочкой своей, наверное, все рисовался, костюмчик боялся испачкать, ну и получил. Окривел вроде с тех пор, а ведь такой симпатяга был. Я его видел, доводилось встречаться. – Королев (он был самый старший и опытный в отделе, и с незапамятных времен сыщики звали его меж собой не иначе как «аксакал») грустно усмехнулся. – Вышибалы консультантовские тогда не пострадали, испугом одним отделались. А вот девчонке, Алле Морозовой, досталось больше всех. Ее по голове отлетевшим куском металла шарахнуло. Ну и перелом основания черепа в результате. Ее бы сразу в Склиф надо, а вышибалы без шефа растерялись. Севастьянов дера оттуда дал, бросил их там – и девку, и Консультантова – тот тоже невменяемый был от ранений. Ну, и не повезли их в больницу, повезли на хату. Консультантов-то выжил, вот он бугай какой, а девчонка умерла. Слух потом полз: Клиника-де кровью своей клялся, что хоть из-под земли, но достанет Аркана-прохиндея, сквищается за все хорошее. Ну и, судя по тому, что у нас сейчас на двадцать третьем километре, видимо, обещание его хоть и с запозданием, но сбылось.

– А почему у него такая кличка чудная – Клиника? – спросил кто-то из «молодых, необстрелянных» Королева.

– А потому что он – парень с большим приветом. За ним кое-какие странности замечались, как рассказывают верные люди. Нет, не подумайте, что припадочный какой или садист. – Королев, который знал уголовный мир Подмосковья и столицы, как давно выученный наизусть справочник, покачал головой. – Нет, тут все гораздо сложнее. Помешан он, говорят, на «честной игре». Хлебом не корми, дай отколоть что-нибудь... В зоне, в первую-то ходку, как про него рассказывали, ой как несладко ему пришлось, хоть и лоб он здоровый. Но там здоровее нашлись, замордовали, в общем, парня. Война, одним словом, – глаз не сомкнуть. Ну, в конце концов из войны той все же победителем он вышел. На зоне во время «войны» как поступают? Где-нибудь пырнут, или во сне задушат, или забьют. А этот оригинал... Авторитету тамошнему предложил «честно» спор решить. Как, спрашиваете? А вот как: взяли две кружки чифиря, в одну стекла толченого от лампочки за неимением яда положили. Клиника предложил тянуть по жребью – кому какую кружку пить. Тянули, говорят, честь по чести. Церемониал, мать его за ногу! Тот, некоронованный-то, и вытянул себе на горе. Концы отдал, стекло толченое ему все кишки пропесочило.

И потом у Клиники бывали такие вот опыты на предмет «честного спора». Ну и прозвали его свои – Клиника. Потому что, говорят, никогда с ним не знаешь, что он в следующую минуту выкинет. С причудами, мол, большими.

Кстати, этот вот эпизод с «испытанием взрывчатки» и использованием Севастьянова в качестве минера очень для Клиники характерен. И даже пресловутая оплата товара вперед. Честняга! Но уж если кто в его «честной игре» смошенничает, тут он прямо лютый зверь. Потому что в лучших своих чувствах, видите ли, оскорблен! Паразит ползучий. – Королев усмехнулся. – Севастьянова, конечно, ему есть за что мочить. Неизгладимое обезображивание лица – это вам не баран чихнул. И потом – девчонка эта... Никита, а выяснили, что там по прежнему месту прописки Консультантова?

– По адресу, где прописан, уже больше года не живет. – Колосов достал рапорт, только что пришедший из ОУР Мытищинского УВД. – Сведения скудные, друзья. От ран лечился он вроде в Венгрии. Около года домой не показывался. Где-то уже в начале 1997 года его имя всплыло. Пытались, конечно, прижать его по аммониту – РУБОП пытался, но, как всегда, доказательств не хватило. Его продуктовый бизнес вроде крутился помаленьку. А вот с игрой все завязано. После рейда налоговой полиции экспресс-казино в Петровском прикрыто вследствие выявленных грубейших нарушений. Там ведь легальные владельцы имелись, ну с ними и разбирались. А Клиника снова в тени остался. По последним данным, он вроде где-то в Москве сейчас кантуется. А Москва большая.

– А может, не далее как вчера он был на двадцать третьем километре в Стрельне, – хмыкнул Королев, – и вот что скажу вам: если Аркана прикончили из-за его былых грехов, то Клинике для такого дела исполнитель со стороны вряд ли потребовался. Уж не знаю, как он стал бы заманивать Аркана к тому пруду, через третьих лиц, через десятых, но там у машины, если его это рук дело, встретил Аркашу-подлеца он лично. И лично пристрелил. Вряд ли отказал себе в таком удовольствии: мечь, как они выражаются, крепче спирта в мозги шибает.

Колосов слушал коллег. Спора нет, версия о том, что убийство совершил Консультантов или кто-то из его подручных, вполне рациональна и правдоподобна. Итак, что же говорит за эту версию? Конфликт Севастьянова с авторитетом, репутация Клиники как человека безжалостного, ничего не прощающего и ничего не забывающего, досрочное освобождение Севастьянова и... пули из пистолета «ТТ». Как раз такую пушку нетрудно представить в руках алчущего возмездия Консультантова. И конечно же... гарь. Как это говаривали древние? Труп врага сладко пахнет? И то, что вонь там на этом пожарище стояла адская.

Но есть и доводы против этой удобной версии. Например, то, что Севастьянов после освобождения вернулся не куда-то, а домой в Подмоскovie, словно и не боялся грозного Клиники. Устроился на работу в цирк...

– Черт побери, а что это Аркана в шапито потянуло? – словно прочтя мысли Колосова, хмыкнул Королев. – Это тот цирк, что в Стрельне на оптовой ярмарке представления дает? Вот никогда бы не подумал, что Аркан и цирк – две вещи совместимые. Хотя... если учесть, что он к прежним делам своим хотел вернуться, связи оборванные отлаживал, каналы, то с цирком, пожалуй, затея и не глупая. Шапито с места на место переезжает. Багаж то и дело грузят. Среди всего этого скарба циркового пару-тройку ящичков с «пластитом-толуолом» занывать – пара пустяков. И потом... Никита, а кто у нас этим цирком займется?

– Цирком? – Колосов думал о своем. – Надо будет съездить туда, навести справки о Севастьянове... Кому-нибудь поручу.

«Не очень, конечно, вяжется с характером Консультантова способ поджога машины, – думал он. – Клиника даже в экстазе мести не сделал бы все так неумело, топорно, по-дурачки. Он же сам сто лет за рулем, знает, куда спичку бросить, чтобы все разом вспыхнуло. Правда, и на старуху бывает проруха. А потом эти недомолвки эксперта насчет оружия. Пули от «ТТ» – это бесспорный факт. А все же что-то там баллиста настораживает. Уж очень обтекаемые

выводы дает. Однако и это может быть нашей ошибкой... Черт, так гадать сколько угодно можно. Пока не возьмем Клинику за жабры, не вытряхнем из него все...

– Итак, версий основных, рабочих, по делу пока две. – Колосов обвел глазами притихших коллег. – Первая: убийство Севастьянова совершено Консультантовым из мести. И вторая: убийство совершено кем-то другим, возможно, из еще пока не известного нам окружения Аркана по неустановленному же мотиву. Отработкой Консультантова займусь я сам. В группу по этой версии войдут Королев, Андреев. Саша Загурский – завтра из отпуска как раз выходит. По связям Севастьянова будут работать... – Колосов буднично начал «озадачивать» сотрудников. – Так... проверкой нынешнего места работы потерпевшего, цирка-шапито, в Стрельне займется...

Черт возьми, все вроде получили ЦУ под завязку, все загружены, кому поручить эту ерунду? Взгляд Никиты упал на Андрея Воронова, скромненько выглядывающего из-за сейфа. Молодые сотрудники вели себя на оперативках у шефа тише воды, ниже травы.

– Андрей, ты у нас Мячниковское кладбище курируешь? Ну, так тебе до ярмарки в Стрельне рукой подать.

– Никита Михалыч, а можно я лучше в вашу группу войду, а? Вон и наставник мой, товарищ подполковник, с вами, и ребята, а мне все какая-то чепуха...

– Милый ты мой, мне только цирка и не хватало для полного счастья! – пробасил Королев. – Да ты что, дурачок, отказываешься? Это же курорт, забава! Дрессированные медведи там, пони, девчонки на трапециях в коротких юбчонках.

– В купальниках-бикини, то-оненькие такие веревочки, – мечтательно уточнил кто-то из сыщиков. – Андрюша, хочешь, поменяемся заданиями? Только чур...

– Хватит зубоскалить. – Колосов поставил в пререканиях точку. – Это дело мы обязаны раскрыть. Задача понятна? Всем? Тогда – все.

Сыщики расходились по кабинетам. Медлил в коридоре только Воронов. Он так и не понял – ему или не ему поручил шеф навестить место работы Севастьянова-Аркана.

Глава 6

ОТ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ И РАДИ ЛЮБВИ

Все дальнейшие, во многом странные и трагические, события этого дела начались, по глубокому убеждению Кати, именно в тот солнечный летний день, когда она лично отправилась в Стрельню. Материал о жутком происшествии на кладбище был закрыт для публикации. Но, по правде говоря, и опубликовывать пока было нечего. Из сбивчивого, полного недомолвок рассказа Воронова и глухих слухов, гуляющих по главку, какой-либо достоверной картины происшедшего все равно не слепишь. И поэтому Катя решила, как и хотела, ехать в район и постараться хоть что-то накопать там. И к этому весьма опрометчивому (как впоследствии оказалось) решению ее кое-что подтолкнуло.

В четверг вечером, накануне этого дня, Вадим Кравченко приехал домой очень поздно и в состоянии, описать которое Катя давно уже затруднялась, хотя обладала живым воображением. Эта призрачная дымка равнодушной печали, смесь меланхолии (проще сказать – пофигизма), грубоватого вымученного юмора, усталости и отрешенности давно уже затуманивала взоры драгоценного В.А., когда он, вернувшись домой с очередного суточного дежурства при особе своего работодателя Василия Чугунова, более известного в отечественных деловых кругах под непочтительной кличкой Чучело, сменял деловой костюм на джинсы и футболку, распахивал настежь дверь в лоджию и плюхался в любимое кресло.

Кате в такие минуты казалось: ей ничего не остается, как свернуться в клубочек на коврике возле любимого мужа и господина и, преданно заглядывая ему в глаза, пытаться поймать этот его уплывающий в никуда, снисходительный и вместе с тем такой далекий взгляд.

Катя видела: драгоценный В.А., так же как и закадычный друг его Серега Мещерский, изнывает от самой зверской, самой разрушительной скуки.

С некоторых пор периоды беспробудного пьянства сменились у его работодателя Чугунова вялой активностью. Отлежав более двух лет в зарубежных антиалкогольных клиниках, закодировавшись, загипнотизировавшись, зашившись в пух и прах, пережив легкий инсульт и семь приступов «печенки», Чугунов тяжело, мучительно и медленно, но вроде бы завязывал с выпивкой. И казалось, что вместе с коньяком и водкой из работодателя уходит по капле и вся радость бытия.

– Мухи у нас в конторе дохнут, Катька, – сетовал Кравченко. – Приедет мой старикан с дачи в офис, сядет в кабинете и сидит. Заглянешь к нему – статуя очумелая. То в окно час пялится, то потом – еще час в крышку стола красного дерева. То перстень-печатку с пальца снимет, посмотрит, поглядит и... В делах полный штиль. Инвесторы выжидают, все контракты заморожены. Компаньоны... У этих только и сплетен, кто чей человек в правительстве, кто под кого прогнулся, кто кого посадит и когда и долго ли ждать этого – к августу или к ноябрю. Такая, девочка моя, тоска... Когда старик употреблял – жизнь прямо ключом била. Мы не успевали поспевать за ним. То подать лимузин, то отменить, то сопровождение – и к Семенычу на Воробьевы горы с террасы ресторана «Москву смотреть», то в «Славянский рай» на огонек, то на блины с икрой к Пререкаеву в «Сибгаз», то в русскую баню, то в сауну, то к Веронике на часок от жены-старухи встряхнуться. Двадцати четырех часов в сутки не хватало Чугуну, во как жил! А сейчас... Глянет на меня – в глазах смерть собачья прямо: «Ну что, сынок, вот дела-то какие у нас...»

– Но у него же предприятия, бизнес, – удивлялась Катя. – Как же это он так бездельничает целыми днями?

Кравченко только слабо махал рукой:

– Ах, оставьте вы эти глупости... Бизнес...

И хоть внешне драгоценный В.А. и храбрился вовсю, хоть и пытался расшевелить пожираемого романтическим сплином Серегу Мещерского, но и его самого засасывало, словно тряпина, вынужденное бездействие. Катя порой думала: напрасно в это лето они с Кравченко не поехали в отпуск – Чугунов не отпустил начальника своей личной охраны. А глоток свежего ветра и шум моря – это все, что им с Вадькой было нужно. Море – оно лучше любого лекарства смывает тоску и разочарование.

Но море – Черное ли, Красное ли, Средиземное или Мраморное – было чертовски далеко. А они с драгоценным В.А. по-прежнему были словно законсервированы в четырех стенах душевой, прожаренной июльским солнцем квартиры в доме на Фрунзенской набережной. Квартиры, где им обоим был знаком и успел надоесть каждый уголок, каждая пылинка.

Итак, в четверг перед той самой пятницей, с которой все и началось, Кравченко вернулся домой, как было уже сказано, поздно. От него пахло бензином и алкоголем. С некоторых пор, сдав напарнику дежурство, он привык вот так «расслабляться». Большое начинается с малого, с «пары капель на дне стакана», Катя знала это преотлично. Но что было делать с Вадькой? «Лупить как сидорову козу», – решительно предложил в ответ на ее осторожную жалобу Мещерский. Однажды Катя попробовала, узрев, в каком виде драгоценный В.А. сел за руль и еще ухитрился не загреметь по дороге в аварию. Попробовала и... только руки себе отбила. У Кравченко пресс что щит непробиваемый. С таким же успехом можно стучать кулаками в кирпичную стенку. «Эх, щетку надо было взять, – сожалела Катя наутро, – и возьму – учти! А лучше – сковородку!» – «Только убей меня сразу, – просил драгоценный В.А., – с первого удара, чтобы не мучился».

Кравченко бросил ключи от машины на зеркало в прихожей. Сел на ящик для обуви. Катя стояла в дверях.

– Ну и? – спросил драгоценный В.А., как ей показалось, даже с вызовом.

– Как хорошо, что ты так быстро приехал! Я тебя так ждала.

Кравченко приподнял брови: ба, что-то новенькое. Какой кроткий лисий тон. Искорки неподдельного счастья в глазах... Жена, подруга жизни... И это вместо ожидаемых капризных упреков?

– Все без изменения? – ележно осведомилась Катя.

– Угу.

– Тоска на работе?

– Угу.

– Значит, завтра у тебя выходной? Ничего не меняется?

– Не меняется. Ничего.

– Вот и славненько! А то я думала, что, если ты завтра со мной не поедешь, если будешь занят, я просто концы там отдам со страха!

– Где?

Катя перевела дух. Так, полдела сделано. Это потруднее задачка, чем уязвить «драгоценного» в его непробиваемый пресс чемпиона. Раздраженно-брюзгливый вопрос со слабыми проблесками интереса – это все же лучше, чем его добродушная отупелость.

– На Мячниковском кладбище, – выпалила Катя. – Я одна туда ехать боюсь!

Кравченко только глянул на нее странно-странно и поплелся в душ. Потом на кухне за ужином и в лоджии, куда они вышли (Катя – глотнуть вечернего воздуха, Кравченко – сигаретного дыма), а потом еще позже в полумраке задернутых штор она все еще ощущала на себе тот его взгляд. Словно он все еще сидел на ящике для обуви, смотря чуть искоса, чуть насмешливо и снисходительно. Как взрослые смотрят на детей. Все понимая. Все, что шито белыми нитками...

Утром они чуть не проспали. Естественно, Кравченко, у которого был выходной, и не подумал разбудить ее. Она едва освободилась, точнее, едва выпуталась из его рук. Он держал ее, как мальчишка любимую игрушку, с которой не желает расставаться даже во сне.

До полудня Катя вкалывала в душном кабинете. И все терзалась сомнениями – мчаться ли ей в Стрельню... и когда туда уходит рейсовый автобус от Измайлова. Зазвонил телефон, она сняла трубку и...

– Ну, ты даешь, в натуре! – раздался хищный голос Кравченко. – Мы с Серегой битый час у подъезда паримся. Елки зеленые, мы едем или уже никуда не едем?

– Ой, Вадичка...

– Две секунды, чтобы спуститься! Серега уже руль грызет.

Катя схватила сумку, бросила туда блокнот, забежала в кабинет начальника сообщить ему, что едет на место по материалу из Нижне-Мячникова и полетела по лестнице вниз. Как на крыльях – орлиных или соловьиных?

Мещерский всю дорогу ныл: ну отчего это в такой чудесный солнечный день их путь лежит именно на кладбище? Из его вежливо-осторожного бормотания Катя поняла лишь то, что с утра он был на работе, в своей туристической фирме «Столичный географический клуб», и что ему вдруг позвонил Кравченко и ядовито осведомился, есть ли у «географов» на сегодня хоть один клиент? Мещерский честно признался: нет, день плохой, наверное, магнитная буря.

– Тогда и висеть нечего на телефоне, – решил Кравченко. – Катька вчера умоляла подскочить с ней в одно место. Одна, без нас, она трусит. Женщина же!

«И ничего и не умоляла, и ничего и не трушу, – обидчиво подумала Катя. – Ради вас же, болванов, стараюсь. Хоть встряхнетесь. А то ведь кончите день в пивбаре на бывшей улице Семашко».

Итак, они ехали на кладбище с ветерком. Первое его посещение оставило у Кати впечатление, что это очень тихое, очень спокойное и, если это не звучит чересчур цинично, очень уютное место. И совершенно безлюдное.

Кравченко деловито сверялся с атласом автодорог, потом с дорожными указателями.

– Тут на карте нет этой дороги, которой мы сейчас едем, – сказал он.

За окнами машины после широкого и удобного Стрельненского шоссе с поворота направо начался какой-то разбитый, заросший по кюветам осокой и лопухами проселок.

– А вон и указатель. – Он ткнул в проплывающий мимо сине-белый круг на столбе с надписью «Нижне-Мячниково».

Катя пожалала плечами. Что она, штурман, что ли? И правда, мертвая какая-то дорога, бурелом по обе стороны. Темный, сумрачный бор. Кажется, ты в тайге, где-нибудь на сопках Маньчжурии, а не в двух шагах от Кольцевой.

Лес расступился неожиданно и стремительно... Вся зловещая аура этого места разом рассеялась. Справа горбатился холм – по его склонам рос жиденький березняк, теснился частокол могильных крестов и оград. У подножия – тенистая липовая роща, снова могилы и два покосившихся приземистых домика, выкрашенных зеленой краской. За липами Катя разглядела луковку часовни. А еще дальше за холмом было огромное картофельное поле, а на горизонте в мглистом знойном мареве громоздились многоэтажки гигантского человеческого муравейника – нового микрорайона Стрельни.

– Ну, и где тут у нас вурдалаки? – Мещерский нехотя вылез из машины и потянулся. – Ой, благодать-то какая, Катюша... А шиповник-то, ты только погляди!

Катя молча созерцала роскошный куст, весь усыпанный цветами, как звездами. Да, наверное, именно с такого живописного сельского кладбища прилетал андерсеновский соловей.

Она попытались воскресить в памяти разговор с Вороновым. Но все дикие подробности осквернения могилы никак не вязались с этим вот траурным парадизом. «Да полно, – поду-

мала Катя, – не приснилось ли мне все это? Уж не приснилось ли это ЧП самому Воронову и опергруппе Стрельненского ОВД?»

– В этом году будет много вишни. «Владимирка» хорошо плодоносит. Смотри, какая богатая завязь. Интересно, кто это додумался посадить на могилах такой роскошный вишневый сад?

Сережка балагурит... Катя подошла к дереву. Точно, вишня. Старая, узловатая. Сердце зашвырнули на вишневые ветви. Мертвое сердце, вырванное из груди трупа... Катя пугливо отшатнулась от дерева, ей вдруг показалось... Нет, там среди ветвей ничего нет. Только солнце. А на соседнем дереве заливается черный дрозд.

– Кладбище действующее? – деловито осведомился Кравченко.

– Действующее. – Катя приподнялась на носки, высматривая, нет ли тут кого. – Давайте пойдем в ту сторону. Это, кажется, контора. Может, там что подскажут?

По дороге они не видели ничего, кроме буйной травы, старых могил, вишен, лип, покосившихся металлических крестов и старых оград. Однако среди запустения встречались и ухоженные холмики с аккуратными цветничками. Но их было немного. В основном тлен и прах. Но это не печалило и не шокировало взора, даже наоборот... Земля, трава, лес, казалось, брали свое назад. «Прорасту травой», – Катя вспомнила строчки какого-то забытого стихотворения.

Кравченко внезапно споткнулся, чертыхнулся:

– Кроты нарыли тут...

– Кроты? – удивилась Катя.

Мещерский тоже остановился.

– Ты что, Сергей?

– Да ничего. Крест в траве валяется. Дожди, наверное, подмыли, вот могила и просела. Катюша, ступай осторожнее, тут и в яму провалиться недолго.

Катя подошла к Мещерскому. Действительно, в траве – крест. Самый обычный могильный, из самых дешевых. А под ним словно выворочено все – глина, дерн, трава. Она нагнулась. Странно, ключья бурой сухой травы разбросаны по траве свежей, зеленой, будто их кто скосил, да так тут и оставил. Она подняла пучок. Нет, трава не скошена, вырвана с корнем. Давно, наверное, неделю назад. Наклонившись снова, она попыталась различить имя умершего на табличке, прибитой к кресту. Но буквы стерлись, ничего не разобрать.

Кладбищенская контора-сторожка встретила их замогильной тишиной. Они долго стучали в дверь, обитую рваным дерматином. Глухо.

– Поздно сюда притащились. Третий час уже, – Кравченко глянул на часы, – у могильщиков самая работа утром. Сейчас они уже теплые, дрыхнут где-нибудь на погосте.

– Но тут ведь заведующий какой-нибудь должен быть, да? Администратор? – робко предположила Катя.

– Скажи еще – бухгалтер-счетовод. – Кравченко заглянул в мутное оконце сторожки. – Ну что? По твоей милости приехали, исполнили, так сказать, девичий каприз, а дальше что?

– А вы что, хотели, чтобы я тут одна по могилам бродила? – огрызнулась Катя. – Кстати, по статистике – большинство нападений, и не только с целью грабежа, совершается на женщин именно на кладбищах и чаще всего в престольные праздники.

– Кладбищенский насильник. – Кравченко хихикнул. – Это твои пинкертонеры в погонах исследования проводили? Сексом-то он со жмуриком занимался, этот твой гробовой Казанова?

– Кто это гробовой Казанова? Где это? – любопытно насторожился Мещерский.

И Кате волей-неволей пришлось рассказать то, что она так не хотела кому-то пересказывать, – сведения Воронова.

– Вот тварь. – Кравченко даже брезгливо сплюнул. – Некрофил. Дитя ночи. Знаешь, Катька, что я тебе скажу? С такими нетопырями все эти ваши процессуальные церемонии –

пустая трата времени и денег. Ну, положим, поймают этого живодера, так месяца три-четыре следовательно с ним канитель будет разводить, потом в психушку на экспертизу обязательно сошлют, потом адвокат будет кобениться, потом год с делом будут знакомиться, потом судить года три. А результат? Надо проще. Поймали, растянули, как моль на солнышке, и батогов! Публичные телесные наказания – они очень даже действенны были и полезны.

– Поймать еще надо дитя ночи-то. – Мещерский оглянулся по сторонам. – Тихо тут как. И птицы не поют, жара. Катюша, мы тут все равно сегодня ничего не узнаем. Лучше в городскую администрацию заехать, в мэрию, у них отдел должен быть по похоронно-ритуальным делам города.

Они вернулись к машине.

– Ну и? Домой? – лениво спросил Кравченко.

– В Стрельненский отдел заедем только, а? – взмолилась Катя. Она чувствовала себя виноватой перед ними за эту и точно уж бесцельную поездку.

Кравченко высадил ее у здания ОВД. У него на ближайший час планы были иные: напротив бывшего райкома на площади он углядел кафе-бар «Алый парус». Их путь с Мещерским лежал теперь туда.

– Мы там, в зальчике, тебя подождем. А то я есть хочу, как мамонт, – заявил Кравченко. – А на ментов мне сегодня смотреть изжога не позволяет. Тебе же, душа моя, до нас только площадь перейти, всего-то и трудов-то.

Но и в отделе Кате в эту злополучную пятницу нечем было поживиться. Едва переступив порог, предъявив розовощекому пышке-дежурному служебное удостоверение, она поняла, что более неудачного момента для посещения Стрельненского отдела и выбрать было нельзя. В ОВД свирепствовала министерская проверка, и сотрудники, особенно средний начальствующий состав, кружили по коридору, как листья, гонимые порывами ветра.

И все же Катя, улучив минутку, заглянула в кабинет начальника по особо тяжкому криминалу. Он был чертовски молод, нервен, смугл и, видимо, еще не привык к вертящемуся креслу «пилот» и обилию телефонов на подоконнике.

– Очень приятно. Пресс-центр? Вы брифинг у нас выездной в прошлом году проводили. Но сейчас, извините, запарка, проверяющих нагнали... Комплексная на носу. А тут, как назло, ЧП за ЧП. А вы что, по поводу убийства на двадцать третьем километре?

Катя хотела было возразить, но вдруг ее словно кто-то за язык дернул:

– Да, и по поводу убийства тоже.

– Уже установили личность убитого. Хотя это сделали быстро. Из ЭКУ телетайпограмма пришла. Наш оказался. Точнее, в районе он не прописан, но проживал и работал у нас. Заместитель администратора цирка. Цирк, знаете ли, тут к нам по весне приехал, – начальник усмехнулся. – Дети словно все с ума посходили. Мой малявка с пацанами по два раза в неделю на представление ходит. Я говорю – разорюсь с тобой, зарплаты не хватит. Куда там... Ну, зверья полно всякого экзотического. А он у меня в зоопарке и забыл, когда был.

– Фамилию потерпевшего не подскажете? – осторожно спросила Катя. – А то я в сводке прочла, да...

– Севастьянов Аркадий, отчества не помню. Жаль, конечно, парня, молодой был еще, мой ровесник. Но, – тут он интимно понизил голос, – перспективы на раскрытие уже есть. Нарботки неплохие. Сейчас пока рано писать что-то об этом деле. Да вы и сами человек опытный, не первый год служите. Но... перспективы есть. Это я вам говорю.

– Извините, а как ваше имя-отчество? – кратко осведомилась Катя.

– Дмитрий Дмитриевич. А для вас можно проще – Дима. А вас Екатерина зовут. Знаю, мне дежурный доложил. Так что, Екатериночка, через месяц – милости прошу ко мне по этому делу. Раскрытие лично обеспечу. И дам интервью лично вам. Эксклюзив, так сказать. Договорились?

На пороге, уже попрощавшись, Катя глянула на его форменный китель, видневшийся в полуоткрытом шкафу. Одна звездочка на погоне. Майор Дима что-то уж слишком сыпал обещаниями. И для женатого, обремененного отпрыском человека был слишком гостеприимен.

Напоследок она решила попытать счастья в местном экспертно-криминалистическом отделе, ведь криминалисты в составе опергруппы выезжали и на кладбище, и на двадцать третий километр. Но в ЭКО, точно шило в заднице, сидел проверяющий. И в его присутствии эксперты не то что с сотрудником пресс-центра общаться страшились – дышать боялись!

Катя пала духом и горько решила: еще один день потерян безвозвратно. Вот яркий пример того, как не надо планировать работу по сбору материала.

Кравченко и Мещерского она застала в полупустом зале бара в состоянии, уже близком к «море по-коленному». На столике было тесно от пустых бокалов из-под пива и какой-то снеди в горшочках, именуемой в меню «рагу по-татарски». Этим вот мясом, тушенным в огромном количестве перца, Кате и пришлось заесть точившую ее злость и досаду на столь глупо и невежуче сложившиеся обстоятельства.

– Надо было сначала созвониться с районом, а потом уж мчаться. Все сенсаций ищешь. Опередить все хочешь, сама не зная кого, – выговаривал ей Кравченко.

Мещерский тактично ушел к стойке и принес Кате тарелку с салатом из помидоров и персиковое мороженое. И Катя злилась все больше, но ела. А они благодушно тянули пивко, поглядывали на нее снисходительно и все ворчали, учили ее уму-разуму.

Солнышко за окном «Алого паруса» из шафранно-желтого стало медным. Катя по-хозяйски ухватила руку драгоценного В.А., лениво лежавшую на столе, подтянула посмотреть время. Батюшки, на часах без четверти шесть! Финита. Ничего не остается, как только вернуться домой несолоно хлебавши. Если только...

– Сережечка, ты наелся наконец? Вот и хорошо. Знаешь что, а айда в цирк? – сказала она вдруг, все еще крепко сжимая запястье Кравченко.

– В цирк? – Мещерский улыбнулся. – На Цветной бульвар? Далековато будет.

Катя ласково запустила когти в бицепс драгоценного В.А. – только попробуй мне перечить, только попробуй!

– Нет, тут близко. На оптовой ярмарке цирк-шапито дает представление. – Она ухмыльнулась Мещерскому светло-светло. – Ты когда был в последний раз в цирке, Сережечка?

– Двадцать восемь лет назад и еще восемнадцать дней. В пять меня бабка повела на Олега Попова. У него номер был: он – зубной врач, лечит больного. Стреляет из пистолета, и из-под купола цирка летит зуб на маленьком парашюте. Попов выстрелил, а я испугался, как заору на весь цирк: «Пусть он уйдет!» А Попов мне с арены – ей-богу не вру: «Ну, раз так, я больше не приду».

– И кто же из вас ушел? – спросила Катя.

– Я, конечно. Бабка меня волоком из зала вытащила. Я так орал, ей в гардеробе билетерши даже валерьянки наливали.

– Досада какая. И с тех пор ты в цирк ни ногой?

– А какой сейчас может быть цирк, Катюш? – Мещерский пожал плечами. – Кризис, развал. Артисты за границей. Звери в коме. Нищета и упадок.

– Мало ли что болтают, – хмыкнула Катя. – А тут, например, приезд цирка – целое событие для местных.

– Непуганый, неизбалованный народ.

– Короче, вы со мной или...

Тут Кравченко почти безо всякого усилия, хоть Катя изо всех сил сжимала его руку, освободился.

– День исполнения желаний трудящихся. Там что, кого-то убили в твоём цирке? Ах да, Серега, помнишь, она нам плела тут о каком-то несчастном случае? Сбесившийся лев кинулся на...

– Да нет, что за чушь! Просто я хотела, ну раз все равно скука и делать нечего...

– Катя, когда ты вот так хитришь, то на тебя, ей-богу, забавно смотреть. – Мещерский улыбнулся. – Кого уже успели прикончить в этом твоём шапито?

И Кате пришлось скороговоркой сказать им.

– Её все время, веришь, Серега, тянет в какую-то клоаку. – Кравченко вздохнул. – Цирк на оптовой ярмарке. Это же балаган! Шиш-голь какая-нибудь бродячая.

– Подумаешь, какой сноб. – Катя уже снова злилась. – Короче: я хочу в цирк. А вы можете делать все, что вам угодно. И вообще, можете катиться. Я на автобусе доеду.

– Не женись, Серега. – Это меткое замечание Кравченко сделал уже в машине, когда они направлялись туда, куда указывал гигантский указатель: «Стрельненская ярмарка. Все для вас, ваших детей, друзей, родных и близких. Дешево, качественно, удобно». – Не женись никогда. Это, брат, как паутина.

Глава 7

ПОСЕЩЕНИЕ ЦИРКА, ОТ КОТОРОГО

ЗАХВАТЫВАЕТ ДУХ

А дальше все было как удар грома. Катя готова была поклясться в этом всем богам. Осталось лишь широко раскрыть глаза и, затаив дыхание, смотреть на это невиданное, небывалое чудо. Чудо со слонем.

Переход от обыденности к чуду был поистине молниеносным. Они просто ехали по шоссе, и шоссе через несколько километров привело их к Стрельненской ярмарке. А там все поначалу тоже было как обычно, как это и бывает на гигантских торжищах, где, как живой ковер, перетекает и волнуется море людей: покупателей-продавцов, продавцов-покупателей.

Ярмарка запомнилась Кате в основном звуками и запахами: хриплым треском мощных динамиков, разноголосицей песен из аудиокассет, пронзительными, гортанными криками торговцев фруктами. Ароматом шашлыков, запахами свежеструганого дерева, клея, нагретой на солнце пластмассы, дешевой парфюмерии, спелых помидоров, преющих под зноем яблок, бананов, абрикосов и черешни. Проехать на машине в узких проулках между ларьками и павильонами не удалось. Они оставили автомобиль на стоянке и пошли пешком. Народа кругом было как на Киевском вокзале. Катя цепко держалась за Кравченко, но того мало интересовали яблоки и абрикосы. Вместе с Мещерским, которому из-за малого роста в толпе приходилось еще труднее, чем Кате, Кравченко держал курс... О, она вскоре увидела куда: белый дощатый ларек с вывеской «Шиномонтаж».

– Катя, на секунду только заскочу. А ты пока приценись, почем клубника... Ах, это черешня... Ну, один черт!

Драгоценный В.А. канул, оставив Катю с глазу на глаз с огромным, как гиппопотам, уса-тым кавказцем, который, как языческое идолище, восседал в окружении фруктовых гор. Катя оглянулась, ища глазами Мещерского, и вот тут-то...

Первыми признаками приближающегося чуда были звуки музыки. Все нарастающий бра-вурный марш. Потом крики, свист, хохот. И вот толпа дрогнула, по рядам словно пролетел порыв ветра. Юрко лавируя среди прилавков, пронеслась куда-то стайка пацанов. Потом где-то глухой россыпью ударила барабанная дробь и...

Толпа вдруг валом повалила за двухэтажный стеклянный павильон с вывеской «Вещевая распродажа». А марш наярывал все громче и громче. Катя, подхваченная толпой, была как лист, сорванный с дерева. За павильоном открылось узкое шоссе, потом снова торговые ряды, а вот за ними...

Сначала она увидела яркий плакат, а над ним горой высился оранжевый купол. На пла-кате были нарисованы гривастые свирепые львы на тумбах. А над куполом дугой выгибалась вывеска с разноцветными, точно пьяными буквами: «Цирк. Добро пожаловать!» Но не львы на афише, не черные мощные динамики у железной ограды, изрыгающие марш, приковали внимание посетителей ярмарки, а...

Это и точно было как удар грома! Катя застыла на месте: среди людского моря, среди всех этих пестрых прилавков, автофургонов, среди лотков с грошовой бижутерией, моющими средствами, куриными окорочками, среди всех этих копченых селедок, кругов крестьянского сыра, поддельной гжели и дешевой электротехники неторопливо, важно, царственно вышаги-вал огромный серый слон, накрытый алой с серебром попоной.

Катя, как во сне, глазам своим не веря, видела это существо: лопухи-уши, помахивающие в такт шагам, морщинистый гибкий хобот, ноги-колонны. Верхом на слоне, словно так это было и нужно, ехал парень в потертых белых джинсах и белом шутовском тюрбане с павлиньим

пером. А потом Катя увидела и то, над чем так потешались зрители. Перед слоном шел еще один парень, почти мальчишка, с крохотным французским бульдогом на поводке. Точнее... Вот, словно толстая серая змея, изогнулся хобот и аккуратно забрал у парня поводок, и теперь слон прогуливал собачку. Слон и Моська... Катя столбиком стояла в толпе любопытных. А Чудо, то есть Слон и крохотная собачка, проплывали мимо.

Впоследствии Катя думала: настоящие события всего этого странного дела начались именно тогда, у входа в цирк-шапито. Ведь именно там ей показалось, что она прощается с обыденностью и стоит на пороге не только причудливых и неожиданных событий, но и на пороге совершенно незнакомого мира, который еще предстоит открыть и для себя, и для других.

– Господи, Катя, куда же ты пропала?

Мещерский. Говорит взволнованно, а сам смотрит на...

Катя улыбнулась – по улицам слона водили. Вот оно, значит, как это бывает!

– Сережа, посмотри, что за прелесть!

– Но это же цирк! Устроили для рекламы, для привлечения публики.

– Чем же они его кормят?

– Кого? – опешил Мещерский.

– Да слона! – Катя так и светилась. Казалось, уже все забыла, все – и Стрельненский ОВД, и кладбище с его страшной загадкой, и установленную личность убитого на двадцать третьем километре.

– Идем, Сережа. – Она схватила Мещерского за руку и повлекла туда, где скалились с афиши восхитительно-злые желтые львы.

Но и у кассы, как и всюду в этот злополучный день, их подкараулило разочарование.

– Сегодня представления нет, – уныло сообщила Кате молодящаяся крашеная старушка-кассирша, – представления у нас по четвергам, пятницам и по выходным два – дневное и вечернее. Но сегодняшнее и завтрашнее отменены по техническим причинам.

– Извините, но я бы хотела поговорить с вашим администратором.

– Но девушка, я же русским языком вам объясняю! Представления отменены, а вы...

– Простите, но я из газеты. Корреспондент. А это мой фотограф. – Катя вытолкнула вперед Мещерского. – Вот мое удостоверение. – Она порылась в сумочке и извлекла редакционное удостоверение сотрудника «Вестника Подмосковья», которое всегда имела с собой на всякий случай. – Так как же мне найти вашего администратора? Мы хотим договориться о серии репортажей о вашем замечательном цирке.

«Вот что такое всемогущество прессы», – грустно думал Мещерский, когда кассирша мигом выпрыгнула из кассы и быстренько рысью повела их за ворота, на территорию шапито. Как оказалось, помимо самой арены и шатра над ней, цирк занимал большой пустырь, начинающийся на задворках ярмарки и некогда служивший «дикой» автостоянкой. Сейчас пустырь был обнесен высокой металлической оградой. А за ней вырос целый кочевой городок: вагончики, автофургоны, дощатые временки, пластиковые павильоны и огромное количество больших грузовых прицепов. Вагончики стояли вплотную к ограде, образуя нечто вроде второго забора, непроницаемого для любопытных глаз. А за ними на покрытых разбитым асфальтом площадках...

Катя на ходу отчаянно вертела головой. Да и было на что смотреть! Вот парень, ведущий на поводу ленивого презрительного верблюда, вот клетка на колесиках с бурыми медведями, возле брошенный кем-то шланг, из которого все еще течет струя воды. Катя вовремя перепрыгнула через него, Мещерский – ворона – споткнулся. Вот вагончик с надписью «Бухгалтерия», а возле него туча народа, и какого! Два клетчато-полосатых клоуна, культурист, ну что там ваш Шварценеггер, стоя работаг в спецовках, выводок полуголых барышень в серебряных бикини и знойный брюнет в безукоризненном жокейском костюме. И тут же: «Моя Манюнечка, девочка

моя, красавица... вот умница. Вот брауши¹...» – сказочно-гнедая, точно шоколадная, лошадь склонилась в поклоне перед тоненькой немолодой женщиной в желтых шортах и ковбойке. Женщина плавно взмахнула рукой, и лошадь по ее команде взвилась на дыбы, кося умным черным глазом. «Вот умница, Манюнечка...»

– Осторожно! Осторожно, говорю вам! Обойдите меня справа...

Катя едва не наткнулась на жонглера – тот медленно пятился на нее спиной. Он тоже репетировал на воздухе. В его руках так и мелькали какие-то сияющие цилиндры. Однако вид у жонглера был непрезентабельный: загорелое до черноты худое лицо, заношенный выгоревший «адидаас».

– Справа, ну я же сказал, – черные глаза царапнули Катю, она послушно шарахнулась вправо и... И тут, точно горох, ей под ноги посыпались крошечные собачки: три карликовых шпица, две болонки и пекинес – залаляли, закружились как заводные.

– Оля, забирай свою ораву скорее! – неожиданно зычно крикнула билетерша.

– Да сворка лопнула, Оксана Вячеславна. Кыш, Чижик, Клякса, ну-ка, ко мне! Сейчас же, кому говорю! – из ближнего вагончика высунулась спортивная брюнетка в ярком сарафане и бигуди.

Но собачки, не слушая хозяйку, самозабвенно облаивали Катю, сонного верблюда, клетку с медведями.

– Вот у нас администраторская, – билетерша подвела их к голубому автофургону, с трогательными кружевными занавесочками на окнах. – Пал Палыч, Паша! Это к тебе. Корреспондентка из газеты! Вот рекламу-то бесплатную бог послал!

Обычно после такой прелюдии все шло как по маслу. Катя была довольна – это называется «молва, бегущая впереди вас семимильными шагами». После словечка «пресса» вас сажали в красный угол, все вам показывали и рассказывали, нещадно при этом похваляясь. Правда, так бывало лишь в гражданских организациях и коммерческих структурах, кровно заинтересованных в рекламе. На родную же милицию слово «пресса» и даже больше – «ведомственная пресса» действовало как зубная боль.

Однако в цирке, тем более таком не избалованном столичным вниманием, как передвижной шапито, все, конечно, было иначе.

– Корреспондент? К нам? Да ну? И из какой газеты? О, милости прошу!

Пожилый администратор был точно облако в штанах – белый, толстый, лысый, раздраженно-говорливый, оживленный, встревоженный, гостеприимный, с сотовым телефоном на кожаном поясе и темными от пота подмышками.

– Алкаш, – недовольно шепнул Кате Мещерский, мигом учуяв ядерное амбрэ, исходившее от старика.

Катя минут пять строго и елейно излагала, из какой она замечательной областной газеты и почему цирком заинтересовалась их еженедельная полоса «Отдыхай с увлечением». Да к тому же еще... «Вот у нас в сегодняшнюю хронику криминальных новостей просочилось – сотрудник ваш погиб, стал жертвой преступления, и мы бы хотели в полном объеме...»

– И нам уже звонили сегодня из милиции. Ужасная новость. Но мы пока сами ничего толком не знаем. И потом, он новый человек у нас, недавно работает. Но вы ведь не только из-за этого приехали, да? Вы ведь сказали: «Репортаж о людях вашей яркой профессии». Не хотите ли для начала ознакомиться, посмотреть, поговорить с артистами?

– Ну конечно! Но сначала я все же хотела бы уточнить. Его зовут, – Катя сделала вид, что роется в блокноте, – Севастьянов Аркадий, он что, ваш заместитель? А вы коротенько не расскажете, был ли он на работе в тот день, ну перед тем как...

---

¹ Браво (цирковой жаргон)

– Пал Палыч! Клетку уже смонтировали. Валентин Генку ищет, репетицию пора начинать, а Генки и след... Здравсьте, а вы к нам? А правда из газеты? А из какой? – В администраторскую вихрем влетел юркий мужичок в синем халате разнорабочего, и сразу же в вагончике запахло конюшной и зверинцем, то ли от мужичка, то ли от его замызганного халата. – Генка же на Линду взгрозился! Это вы ему Линду разрешили взять?

– Ничего я не разрешал. Я ему сказал: к слоновнику чтоб близко не подходил! Мало у них с Валентином проблем...

– Как же не разрешили? А я думал, это вы указание дали... – Мужичок всплеснул руками, точно хотел взмыть к потолку. – Так он же на публику поехал!

– Без Борисыча? Один?!

– С Гошкой. Я думал – вы им указание дали...

– Да вы что? – рассвирепел администратор. – Вы что, меня в гроб вогнать хотите? Кто позволил? Где Липский? Кох где? Где, я вас спрашиваю?

Катя в этой горячей перепалке не понимала ни слова. Кто такая Линда, на которую «взгроздились»? И что вообще тут у них происходит?

– Так, Пал Палыч, клетку ж смонтировали...

– Да иду, иду я! Вот, кстати, – администратор вытерся платком, точно умылся. – Пойдемте со мной. Генеральная репетиция нового аттракциона сейчас у нас будет. Смешанная группа дрессированных хищников Валентина Разгуляева. Он впервые их в большой клетке вместе сводит. Разгуляев, не слышали? Он и за границей выступал. Наш артист. Дрессировщик.

– Пал Палыч, а кто такая Линда? – покоренная его горячностью, отчего-то шепотом спросила Катя.

– Слониха. Ну, быстренько, быстренько, молодежь. – Администратор, увлекая их за собой, как шарик покатился по ступенькам вагончика. – Юноша, вы же сказали – фотограф. А где же ваша камера?

Мещерский только глянул на Катю, но... Именно тогда впервые он увидел в ее глазах это замороженное ожидание. «Ну все, приехали, – подумал Мещерский. – Приплыли. Она уже, кажется, забыла, что отправилась сюда работать по нераскрытому убийству. Черт, где же Вадька?»

А Кравченко как ни в чем не бывало поджидал их возле билетной кассы. Правда, теперь они были по разные стороны ограды. Умение Кравченко никогда не теряться в лесу и в толпе и находить в самой дикой суеде потерянных друзей всегда искренне восхищало Катю. Но сейчас она даже не заметила появления драгоценного В.А. Чуть ли не бегом на своих аршинных модных каблуках бежала она за администратором.

– Эй, братцы, а как же я? – Кравченко потряс решетку, как истрадавшийся узник. – Меня тут не бросайте!

– Пал Палыч, это наш водитель... водитель редакционной машины, – находчиво ввернул Мещерский.

Катя на мольбу Кравченко и ухом не повела.

– Пал Палыч, мы брендспойт опробовали. Напор слабый, вода почти не идет. Вон жарища-то какая, ну и разбор большой!

Это пророкотал на ухо администратору точно из-под земли выросший работяга в спецовке. – Уж я и так, и эдак кран выкручивал – нейдет!

– Ну ничего, дай бог, обойдется. – Пал Палыч вздохнул шумно, как кит. – Ты еще проверь, пожалуйста.

Через настежь распахнутые двери, а точнее, откинутый брезентовый полог они вошли в шапито. После вечернего солнца Катю на секунду ослепил царящий там полумрак. Но вот под куполом вспыхнул яркий свет. И оказалось, что цирк, хоть и кочевой, разборный, – самый что ни на есть настоящий: пустые ряды амфитеатра, откидные сиденья, паутина трапещий и

над всем этим – оранжевое брезентовое небо, по которому двигаются бесформенные тени. И арена, которую прикрывает сетчато-стальная крепкая клетка.

Арена была пуста, а вот зал... Первые ряды были заполнены людьми. Народ толпился даже в боковых проходах. Но это была не публика со стороны, а сами артисты. Потом, уже ближе познакомившись с цирком, Катя убедилась, что на той знаменитой репетиции присутствовала почти вся труппа и весь обслуживающий персонал.

Никто громко не разговаривал. В цирке царила напряженная хрупкая тишина. Все смотрели на арену и словно ждали чего-то. Администратор провел Катю, Мещерского и Кравченко к свободным сиденьям в первом ряду. А сам кого-то увидел в проходе, грозно замахал. К нему протолкался тот самый «погонщик слона». Тюрбан свой парень, правда, снял и теперь мял в руках. Администратор только кулаком погрозил ему и потом, извинившись перед Катей, двинулся куда-то вдоль арены и скрылся за кулисами. Следом скрылся и «погонщик слона».

Катя присела на откидное кресло. Только сейчас она почувствовала, как устала. Кравченко хотел было подойти к самой клетке.

– Эй ты, длинный! Тебе, тебе говорю, назад!

Кравченко обернулся. На два ряда выше Кати на спинке сиденья, точно галка на заборе, сидел тот самый паренек – Катя его узнала, хоть и с трудом, – тот, что вел перед слоном французского бульдога. Мальчишка лет шестнадцати, гибкий, мускулистый, белокурый. Длинная нестриженная челка то и дело падала ему на лоб, и он все время отбрасывал ее рукой.

– Это ты мне, деточка?

– Тебе, длинный. Жить, что ли, надоело?!

– А в чем дело?

– Сейчас узнаешь, в чем... Вот Разгуляев Улю и Звездочку выпустит!

– Отойдите! Сядьте! – Вдоль арены к Кравченко уже бежал служитель в халате. – Вы мешаете репетиции. Это опасно!

– Так нет же никого, – резонно возразил Кравченко.

И тут... Они услышали за кулисами яростное, грозное, остервенелое рычание. Все громче и злее. Напряжение в зале, казалось, было уже осязаемым. Клетка все еще пустовала, но взгляды всех устремились на арену, туда, на посыпанный опилками круг, где уже были расставлены тумбы, лестницы и огромный шар на рельсах. Неожиданно из-за кулис кто-то вышел. Встал, как на страже, у боковой двери клетки. Катя узнала «погонщика слона». На нем уже не было нелепого тюрбана, и он словно вышел на тропу войны, вооружившись вилами, увесистой палкой и арапником. Кате бросилась в глаза диспропорция в фигуре этого относительно еще молодого человека: короткие ноги при широких плечах и квадратном торсе. Он был во все тех же белесых джинсах, которые очень туго облегали его. И это выглядело явным промахом, ведь он был из породы тех мужчин, которые гораздо лучше смотрятся в костюмах с удлиненными пиджаками, по возможности прикрывающими их рыхлый, увесистый, чисто женский зад.

«Погонщик» был коротко стриженным рыжеватым блондином. Позже, когда Катя рассмотрела его ближе, она заметила на его бледном полном лице обильные веснушки. Несмотря на весь его напускной замкнутый и заносчивый вид, они придавали его лицу какое-то странное, иногда даже трогательно-сентиментальное выражение.

Из динамиков под самым куполом грянула тревожная барабанная дробь. И ответом ей стал взрыв яростного рева какого-то взбешенного до глубины души, растревоженного хищника. А потом... потом Катя увидела, как по специальному тоннелю, составленному из передвижных клеток, к большой клетке на арене, слегка сгибаясь, неторопливо идет человек в черном. Именно нелепость и претенциозность костюма незнакомца приковали Катину внимание. Казалось, перед ней статист, сбежавший с репетиции «Бэтмена», – черное трико с большим вырезом, открывающим мускулистые руки и грудь, украшенную золотым медальоном. На руках черные перчатки, а на запястьях – браслеты с шипами. Кате весь этот наряд пока-

зался схожим с доморощенным прикидом неоперившихся рокеров или малость тронувшихся на «крутизне» гомиков из арбатского подвальчика «Небесная голубка».

Поначалу она смотрела только на костюм – смотрела с этакой ухмылочкой и еще не видела его лица. Человек в черном вошел в большую клетку и остановился в центре манежа.

– Валентин, ну что, все готово? – крикнул со своего места вынырнувший из-за кулис администратор Пал Палыч. – Ну, ребятки, с богом!

И сразу все пришло в движение: по тоннелю из клеток бесшумно заскользили какие-то тени – черные, как ночь, пестрые, как песок, испещренный пятнами густой тени. Пять леопардов и пантера. Звери один за другим, крадучись, входили в клетку, кружили по ней.

«Нет, так дело не пойдет, – решила про себя Катя. – Так я ничего тут толком не пойму». Она встала и, тоже крадучись, что твоя пантера, заскользила вдоль ряда туда, где сидел администратор. Волна сквозняка из бокового прохода ударила ей в лицо, принесла с собой запах едкой кошатины («Чертовы леопарды!» – подумала Катя) и... аромат медоточивых духов «Poison». Она сразу же задержала дыхание – неизвестно, что еще тошнее! Ей вспомнилось, как несколько лет назад «Пуазоном», настоящим и фальшивым, благоухала вся Москва. Гражданки лили его на себя литрами зимой и летом. И запах, так пленявший вначале новизной, затем приелся, потом начал раздражать и надоел до колик в желудке. Катя поискала глазами обладательницу ненавистных духов и...

– Лен, иди сюда, ко мне, отсюда видно лучше всего.

Горячий шепот за спиной – шепот заговорщика. Шептал тот самый паренек, восседавший, как галка на заборе, на спинке сиденья. Приглашение его адресовалось женщине, стоявшей в проходе и купавшейся в сладких духах. Это была стройная гибкая блондинка. Маленькая и изящная, точно фарфоровая статуэтка. На ней по случаю жары было некое подобие газового черного сарафанчика на бретельках. Но, казалось, и ничего не было – только матово загорелые округлые плечи, гибкие точеные руки с безукоризненным перламутровым маникюром, стройные ножки на каблукках, да грива искусно промелированных густых и мягких полос, сияющей волной падавших ей на плечи. Катя оценила незнакомку – ее нельзя было назвать красивой, но вместе с тем от нее очень трудно было отвести взгляд: безупречный овал лица, холодноватые зеленые глаза с густейшими ресницами, рот, напоминающий разрезанный тюльпан. И Катя сразу простила ей приторные духи. Эта женщина (или девушка – определить ее точный возраст было трудно – ей могло при разном освещении оказаться и двадцать пять, и тридцать пять) напоминала бледно-розовый, породистый, опаленный солнцем пион. А всем известно, что июньские пионы пахнут сладко-сладко.

– Лена, иди сюда!

– Отстань.

Блондинка так и осталась в проходе. А мальчишка на своем насесте. А Катя, сгибаясь в три погибели, благополучно достигла администратора Пал Палыча. Тот напряженно следил за тем, что происходило в клетке, и то и дело вытирал лицо платком – пот так и лил с него градом. Катя же никак не могла взять в толк, отчего старик так волнуется: в клетке у человека в черном не наблюдалось никаких неприятностей. Леопарды, покружив по манежу, порывав, поогрызавшись, чинно расселись на тумбах.

– Как, вы сказали, фамилия дрессировщика? – шепотом осведомилась Катя.

– Разгуляев Валентин. Вам для очерка? Хорошо, что вы сегодня к нам приехали. Такой ответственный момент застали... Отметьте, не забудьте в статье – истинный героизм, так сказать, проявил артист и недюжинное мужество. Коллектив, можно сказать, спасает.

– Укротитель? То есть как это?

– Цирк горит бездымным порохом, – администратор шептал на ухо Кате, все время косясь на арену. – Гвоздь программы – хищники, львы. На это в основном публика и идет к нам. А номер возьми да и сорвись. Львы в загале, чтоб им ни дна ни покрывки...

Катя хотела было переспросить: «Как это львы в загале?», но решила пока не перебивать.

– У Разгуляева номер развалился, а тут звонок из Питера, из цирка на Крестовском. Там смешанная труппа хищников простаивает – дрессировщик по пьянке в автокатастрофу угодил, чтоб ему ни дна ни покрышки... Предложили нам взять, ну, естественно, за хорошие деньги. Разгуляев и рискнул. Отчаянный! Такой все сможет.

– А что, леопардов труднее дрессировать, чем львов, что ли? – с любопытством прошептала Катя, как и все, глядя на арену, где в это время Разгуляев, казалось, очень легко управлялся со своей хищной командой. Вот по его знаку один из леопардов пружинисто соскочил с тумбы и воровато затрусил по буму.

– Да это же не его звери, не его номер, – зашептал Пал Палыч. – А он мало что к ним в клетку вошел, так еще после нескольких репетиций свой аттракцион делает! Подобрал ключи дрессировки, а это в нашей работе основное. Единичные случаи, между прочим, милая девушка, когда дрессировщики берут чужих хищников. Александров-Федотов² только один и решался на такое, да и то...

В клетке что-то произошло. Катя ничего не увидела, ничего не услышала, но... по тому, какая мертвая тишина воцарилась вдруг в цирке, по тому, как подавился неоконченной фразой говорун-администратор, поняла: между дрессировщиком и его артистами что-то неладно.

– Уля, не упрямясь. Вперед. Уля, вперед...

Человек в черном стоял перед золотисто-пятнистым леопардом. И хотя леопард был зол как сатана, от него невозможно было оторваться. Катя, затаив дыхание, смотрела на арену. Зверь артачился, не желая прыгать с тумбы на соседнюю тумбу, скалил клыки. Желтые глаза его с бешеной злобой следили за руками человека. А тот был безоружным, у него не было даже самой тоненькой палки-хлыста.

Бац!словно черная молния... Нет, то был не злодей-леопард. С крайней левой тумбы на дрессировщика прыгнула пантера, черная как ночь, как незастывший еще асфальт на шоссе. Пантера, до этого мгновения вроде бы тихо и вальяжно, даже благосклонно взиравшая со своего места на людей за сеткой клетки.

Еще бы секунда – и она вцепилась бы когтями человеку в спину, но... он увернулся от удара. Точно его глаза были на затылке – мгновенно отпрянул в сторону. Пантера, глухо рыча, припала к опилкам. Но второго прыжка сделать не успела – в нее полетела со всего размаха брошенная тумба. Человек в черном схватил ее за треногу и запустил в черную тень. Визг, басовитое мяуканье, глухое рычание...

– Уголек, на место! Я кому сказал – на место!

Мятеж был подавлен в самом зародыше. Пантера, огрызаясь, вспрыгнула на свою тумбу.

– Сукины дети, – прошептал Пал Палыч. – Сукины коты!

Катя смотрела на пантеру с трогательным именем Уголек. Ну и зверюга, ну и напасть! Именно ее сейчас Разгуляев заставлял делать трюк: прыгать с тумбы на шар и катить его по рельсам.

– Коварные бестии. – Администратор снова полез за платком. – Никогда не угадаешь, что у них на уме.

– Что же он к нему пристаёт, злит его? – спросила Катя. – Ведь зверь только что на него бросился, а он его же...

– Надо заставить его работать. Переломить. Такая кошка, милая девушка, человека с одного удара убить может. Бросается либо на спину, сзади, либо в лицо, тварь, метит, а задними лапами живот дерет. Но быстро слабеет. Одна атака не удалась – баста. До следующего удобного раза. Валентин его ломает сейчас, характер его подлый ломает.

Уголек наконец прыгнул на шар, покатил его и вернулся на тумбу.

---

² А.Н. Александров-Федотов – известный артист цирка, дрессировщик.

– Все. Кажется, пронесло благополучно, – сказал Пал Палыч.

И тут... вдруг произошло то, чего никто не ожидал и, уж конечно, не мог предугадать. В цирке погас свет.

Катя почувствовала, что ей трудно дышать. Так внезапен и жуток был переход от слепящих юпитеров к крошечной тьме. Хлопок откидного сиденья – администратор сорвался с места. Топот ног – кто-то куда-то летит сломя голову. Грохот. Кто-то, споткнувшись, загремел по ступенькам. И не видно ни зги. Только лишь... Там, за сеткой, в нескольких метрах на арене, – пара остро светящихся точек – точно два желтых светляка из тьмы. А вот еще, еще...

Катя увидела своими глазами, что это такое, когда кошки, очень большие кошки с железными когтями и клыками, смотрят на вас из мрака. Они вас видят. А вы их – нет.

– Свет! Дайте немедленно свет!!

– Электричества нет...

– Звоните сию секунду на подстанцию!

– Звонят уже!

– Ну, теперь они Вальке покажут кошкин дом... ну теперь держись!

Эту фразу прошептал кто-то позади Кати, обдав ее застарелым перегаром.

– Что... что же он теперь будет делать? – прошептала она испуганно в ответ.

– Что?! На месте их надо удерживать, не то – кранты, – безнадежно ответил невидимка.

– А может, зверей можно назад в клетки загнать?

– В такой темноте? Ты что! Ни черта же не видно!

– Тогда пусть он выйдет. Пусть Разгуляев покинет клетку! Там же дверь сбоку.

– А людоеды сразу же без него друг дружке в глотку вцепятся. Передерутся в клочки. Он и так уже львов почти потерял, а если еще и эти коты перегрызутся... Из строя выйдут, то...

– Что? – спросила перегарного невидимку Катя.

– Цирку хана, вот что. Полный крах, разоренье. А нам всем – пинок под зад.

Одна пара светящихся точек на арене начала медленно перемещаться. Почти мгновенно к ней присоединилось и еще две. Катя поняла: леопарды спрыгнули с тубм и теперь кружат вокруг Расторгуева.

– Уля, я сказал назад, на место!

Хриплое, ехидное ворчание в ответ.

– Давай воду! – истошно заорал кто-то на весь цирк сорванным дискантом.

– Я же говорит – напор слабый! Нет воды!

Катя слыхала, что в цирках в опасных ситуациях с хищниками применяют воду из брандспойта, но...

– Пал Палыч, на подстанцию звонили – говорят, крупная авария! Света нет по всему микрорайону. Говорят, пока исправят, минут сорок пройдет, а то и час.

– Да они что? С ума, что ли, сошли – сорок минут? Да за сорок минут у нас тут...

Ответом испуганному администратору было ликующее громовое рычание с арены, от которого не только Катю, но и бывалых цирковых прошиб холодный пот.

– Место, Бандит! – громкий, резкий окрик Разгуляева. – Ну что ты расшумелся?

Катя даже дышать боялась. А мысли летели какими-то клочками, обрывками, бешено кружились. И ни на одной невозможно было сосредоточиться: «Темень-то какая... Ой, мамочка моя... А он там один... Они его видят, а он их... Господи, сделай так, чтобы все обошлось! Но ты ведь... ты ведь всегда мечтала увидеть нечто подобное, пережить... Острые ощущения, адреналин... Тебя же хлебом не корми... Это же как гладиатор на арене. И все ждут, сколько он продержится... Вот это и есть настоящий цирк без прикрас... А еще убийство, убили-то циркового, но об этом тут никто не говорит. Или еще не все знают? А что, если убьют и дрессировщика? Что, если они его сейчас загрызут?»

На арене началась какая-то ссора между зверями. Хриплое кашляние-огрызание переросло в яростный рев, затем в вой боли.

«Господи, пусть дадут свет! – взмолилась Катя. – Я больше не хочу, чтобы не было света!»

И тут... Со стороны входа послышался какой-то грохот, лязг, затем шум автомобильного двигателя и... темноту прорезали желтые лучи – зажженные автомобильные фары. Света этого, правда, едва-едва хватало до арены. И Кате, и всем в зале открылось зрелище того, что там в этот миг происходило: пантера и леопард дерутся на опилках, остальные пятнистые вот-вот уже готовы ринуться на подмогу, но...

Разгуляев уже был в центре ссоры. В руке он держал аrapник, переданный ему помощником. Щедро сыпая ударами направо и налево, он разнял дерущихся, загнал воющего от боли леопарда на тумбу и двинулся на пантеру. Свет автомобильных фар сейчас напоминал свет слабого ночника. И картина была какой-то призрачной, почти нереальной: тонущие в густом сумраке ряды амфитеатра, бледные лица артистов, косматые тени на брезенте, сверкание хищных глаз, ощеренные пасти и две черных фигуры – человека и зверя. Разгуляев прибег к испытанному приему: пантера сделала прыжок и наткнулась на металлические ножки тумбы, выставленной дрессировщиком как щит перед собой. Потом тумба снова полетела в пантеру – хриплый разочарованный визг, и после громовой команды «на место!» пантера, как ни в чем не бывало, послушно прыгнула на тумбу.

Разгуляев медленно пятился к сетке. Прислонился к ней спиной, не спуская глаз со своего зверинца. К нему с той стороны клетки подошел помощник, тот самый «погонщик слона». Они тихо переговаривались, видимо, решали, что делать дальше.

– Молодец, парень! Один догадался, что машину можно прямо ко входу подогнать. Мы тут все причитаем, а он хоть какой-то выход нашел. А кто он? Ах, да... тут корреспондентка в зале из газеты... Это вроде их водитель.

Катя обернулась на голос, затем, вытянув шею, проследила глазами до фар. Черт возьми, и точно, их машина! А вот и Кравченко собственной персоной. В этой суматохе Катя и думать забыла и про него, и про Мещерского, а они, оказывается...

Послышался шелест брезента. Та самая миниатюрная блондинка пыталась шире открыть входные двери (или полог), чтобы впустить в шapито еще немного вечернего света. И потекли минута за минутой напряженного ожидания. Катя ужасалась, каким медленным и тягучим становится время! Неужели всего десять минут прошло с того момента, как погасло электричество? Разгуляев по-прежнему стоял, плотно прижавшись спиной к сетке. Позже Катя от цирковых узнала, что это один из приемов дрессировщика, запертого в клетке с вышедшими из-под контроля хищниками – ни в коем случае не открывать спину, не провоцировать зверей на нападение.

Помощник раскурил ему сигарету, просунул сквозь ячейку сетки. Катя видела багровый огонек, струйку дыма... Леопарды напряженно пялились на дрессировщика, так и ели его глазами. Почти все отвернули морды от слепящих фар и глухо и раздраженно шипели. Разгуляев закурил вторую сигарету... Третью...

Света не было пятьдесят семь минут. Это с гордостью и ужасом заявил Кате собеседник-невидимка с заднего ряда: «Я засек, у меня часы командирские с подсветкой». Когда электричество наконец дали, она сумела увидеть «невидимку». Им оказался тот самый жонглер, которого обходить во дворе надо было отчего-то только с правой стороны. Разгуляев одного за другим загнал леопардов в тоннель. За кулисами уже подкатывали передвижные запасные клетки, рассаживали по ним хищников. Когда последний пятнистый скрылся с манежа, Разгуляев и сам было направился к тоннелю. Но его остановили громовые аплодисменты. Артисты, повскакав с мест, кричали, хлопали, свистели, один даже дудел в саксофон. Потом все хлынули к клетке. И Катя, подчиняясь общему порыву ликования, вскочила с места. И... только сейчас

разглядела Разгуляева. Не пижонское это черное трико Бэтмена, а лицо... Она почувствовала укол в сердце... Как это странно... Вот он какой, оказывается...

– Валя, потешь мою душу, под занавес – аплодисмент свой коронный! Я уж и за фотокамерой сбегал! – крикнул кто-то из осветителей сверху.

Разгуляев отвернулся на секунду, сделал рукой какой-то быстрый жест у лица и... обернулся к амфитеатру, к зрителям и к ней, к Кате... в улыбке. Точнее – в великолепном грозном фантастическом оскале. Катя вздрогнула, потом засмеялась: перед ними был человек-вампир или человек-пантера. Во рту его были клыки на манер тех, что в кино вырастали у красавца-дракулы, когда он превращался из графа в Ужас Ночи.

– Даже сейчас от штучек своих отказаться не может! Ну, хорош экземпляр, а, Ирка? Что смотришь? Остолбенела в экстазе? Между прочим – шепни ему сегодня при случае: Палычу из милиции звонили. Аркашу-то, того, нашли, говорят... С дырками в черепе. Мое дело сторона, а ты, радость моя, шепни ему... Мол, так и так. Звонили. Все Вале легче будет, когда его менты долбать начнут, что там у них за коса на камень с Аркашкой нашла...

Катя тихонько повела глазами: говорившего все это она не видела, но узнала по перегарному духу. Это был тот самый жонглер-невидимка. А вот к кому по имени Ира он обращался...

В нескольких шагах от нее, почти прижавшись к сетке лицом, стояла девчонка – коренная, низенькая, крепкая, как боровичок. В мужском комбинезоне. Густые русые волосы ее были тоже пострижены по-мужски – коротко, чуть ли не по-солдатски. Лицо было скуластым и одновременно курносым, мальчишеским и некрасивым. Катя увидела, что по этому загорелому лицу катятся слезы – то ли от пережитого волнения, то ли от страха, то ли от восторга, то ли... Девчонка в комбинезоне шмыгнула носом, быстро вытерла щеку, оглянулась, словно боясь, что кто-то успел заметить ее слабость. Катя посмотрела на арену. Разгуляев ушел. На манеже остались одни лишь опилки.

Глава 8

НЕСЕРЬЕЗНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

– Это чисто коммерческое предприятие. Акционированное. И, естественно, нас не может не беспокоить доход, который оно приносит. Все артисты нашей труппы стараются внести посильный вклад в...

В это несерьезное заведение Колосов поначалу лично ехать и не собирался. Что, на самом деле, нет, что ли, у начальника отдела убийств областного главка толкового сыщика, чтобы отправить его на место работы потерпевшего для сбора данных и опроса сослуживцев? То, что местом работы Севастьянова оказался именно цирк, Никита сначала склонен был воспринимать как досадное недоразумение. В цирке последний раз он побывал... дай бог памяти, лет этак двадцать пять назад крошкой-октябренок во время школьного культпохода. Правда, однажды у него уже было дело, в котором оказался замешан кое-кто из цирковых, но о том рабочем эпизоде Никита уже почти и думать забыл. А тут...

Итак, еще с утра ехать в Стрельню в цирк Колосов и не собирался. На этот день у него была запланирована не менее важная встреча, на которую он возлагал определенные надежды в розыске гражданина Консультантова. То, что Клиника, ставший, по основной рабочей версии, подозреваемым номер один, давно уже не подавал никаких активных признаков жизни, Никиту не удивляло. Он проверил послужной список Консультантова в банке данных «РЦД». Особо опасным рецидивистом Клиника, правда, признан не был, но это случилось лишь потому, что на последнем процессе ему, видимо, попался судья-гуманист.

Раздел «преступные связи» тоже особо не впечатлил. Для того чтобы использовать кого-то из многочисленных подельников Консультантова в его же розысках, и речи не шло. Все кореша были люди бывалые, тертые, скользкие, и на их оперативную разработку могли бы уйти месяцы и месяцы. И неизвестно еще, кто бы выиграл тот, как писали в благородных доперестроечных криминальных романах, «поединок ума, воли и интеллекта» – сыщик или какой-нибудь вор в законе по кличке Моня Люберецкий.

Оставалось одно: использовать конфиденнта. Причем в самой банальной роли ищейки. Колосов долго подбирал кандидатуру. Особых детективных изысков розыск Консультантова вроде не сулил. Задача перед агентом стояла проще пареной репы: послушать, посмотреть, побывать кое-где, поговорить кое с кем, собрать сведения и затем кое-как (но желательно, без грубых грамматических ошибок) изложить их в донесении. На такую роль нечего брать кого-то из негласных асов, у них и так работы хватало. Сгодился бы свой плюгавенький и продажный. И Колосов остановился на некоем Лильнякове. Петр Лильняков – таково было подлинное имя конфиденнта, но по всем учетам и картотекам он проходил под кличкой Яуза.

Использовать ли для негласной работы конченных алкашей, и если да, то до какого предела, до какой степени опьянения? Этот вопрос не раз стоял перед Колосовым неразрешимой дилеммой. Как ни странно, но Яуза спился в горькую именно в тюрьме. Как он любил вспоминать, «крещение» его состоялось в одном из СИЗО славного города Ростова, который он нежно именовал «Папой». Двадцатитрехлетний Петруша Лильняков очутился там по самой пошлой статье прежнего УК – «угон транспортного средства». А камера оказалась крутой. В ней в ожидании справедливого суда томился не кто иной, как гроза города Ростова, известный налетчик на только-только тогда еще вставшие на ноги коммерческие ТОО Коробейников – Краб. Дело его вмещало восемнадцать пухлых томов с описанием серии совершенных им дерзких вооруженных разбоев.

Друзья с воли Краба в тюрьме не забывали. С продуктами тогда еще было туго, и тюремные щи становились день ото дня все жиже, хлеб черствее. Но казенными продуктами Краб

гнушался. Корешки, тряхнув обшак, организовали для него бесперебойное снабжение и... Как любил вспоминать Лильняков, «гужевались мы там тогда с ребятами от пуза, Краб щедрый был, жмотом никогда не был, всегда жратвой с нами, даже с молодняком делился». Но не только объедки с барского стола доставались в камере Лильнякову. Надзиратели тоже, видно, были не из камня, и в камере у Краба, кроме копченой колбасы и полтавского сала, водилась и водочка.

За четыре месяца, проведенных в этой камере и «гужуясь от пуза» в компании ростовского налетчика, Лильняков превратился в законченного алкоголика. А после приговора, отъехав на зону, где порядки были строгие и суровые, просто места себе не находил. В учреждении под Волгоградом палящая жажда и заставила его приспособливаться к ситуации. Сотрудничать с администрацией учреждения он уже начал через месяц своей отсидки. Плата за те крохи информации, которые он поставлял начальству, была стандартной – бутылка, две бутылки, переданные вроде через «верного надзирателя» за «мзду». И вся последующая жизнь Лильнякова была уже связана вот с таким сотрудничеством. По окончании срока администрация тюрьмы передала его, что называется, с рук на руки заинтересованным инстанциям. И пошло, как говорится, поехало.

На назначенную по телефону встречу Лильняков опоздал. Колосов поджидал его на Новом Арбате, что называется, в гуще народной у обменного валютного пункта – вроде два «зеленщика» встретились пошептать накоротке. Яуза, как Колосов определил навскидку, был в средней степени опьянения. Разговор с ним вышел короткий. Только Никите все время хотелось повысить голос – казалось, Яуза с трудом воспринимает человеческую речь. Но громко говорить о таких интимных вещах, как «ориентировка на розыски подозреваемого в убийстве фигуранта», естественно, было неудобно. Колосов заряжал конфиденца инструкциями, как гнилой аккумулятор. Яуза лишь недовольно сопел.

По области за ним водилось кое-что, он подозревался в нескольких кражах, но прямых улик не было. Делу можно было дать ход, а можно было и не давать. Яуза в любой степени опьянения смекал подобный расклад и поэтому не ответил на очередное поручение категорическим «нет, никогда!».

Он помнил, как однажды попытался отказаться, с этим как раз вот ментом, который умеет так разьедасть вашу душу разными многозначительными обещаниями. Да, дело было. Колосов, получив отказ, колебался недолго. Яузу посадили в камеру сначала по статье 122 УПК на трое суток, а затем продлили срок задержания и до десяти суток. И все на строжайшей диете – то есть без спиртного. И Яуза, как говаривали сыщики, «обмелел до дна». На четвертые сутки поста он уже был шелковым. И на грозный вопрос начальника отдела убийств: «Ну, будешь работать?» – ответил униженным согласием.

Это и был тот самый жирный плюс в пользу того, что работать с кончеными алкашами негласно все же стоит. Но были и жирные минусы, Колосов это осознавал. То, что Яуза рано или поздно засыплется по пьянке, ни для кого секретом не являлось. А то, что этого не произошло с ним раньше, было следствием лишь слепого везения – пьяным море по колено – да, пожалуй, той вялой брезгливости, которую питал к этому рано полысевшему сморщенному пьянчужке уголовный мир. В глазах братвы Яуза был настолько люмпен, что его просто никто всерьез не принимал. Его даже не остерегались – все равно, мол, в отключке, пузыри пускает.

Но даже на пороге отключки Яуза слышал, видел и чувствовал то, что должен слышать, видеть и чувствовать агент средней руки. А большего от него и не требовалось.

– Трудно будет, начальник, – заныл Яуза. – Да потом он, по слухам, вроде завязал уже, ну не так, чтобы совсем, но...

– Кто завязал? Клиника? – искренне удивился Колосов.

– Ну, как zenки-то ему вышибло, как окривел... Тут и любой оголтелый с катушек тронется, а уж этот... И опять небось все срочно?

Нытье Лильнякова было пресечено в корне легким намеком на камеру ИВС. И когда они расставались, в глазах Яузы застыла такая собачья тоска...

– Связь по-обычному? – хмуро спросил он и, кивнув на прощанье, заспешил к подземному переходу.

Колосов пошел к машине, оставленной в переулке. Воспоминанием от Яузы остался лишь призрак перегара. Странно, но даже потом, когда все получилось так глупо и трагически, Колосов не испытывал к Лильнякову ни жалости, ни сострадания, одну лишь досаду и раздражение. Но этими жестокими чувствами, лукавя сам с собой, он просто пытался подавить в себе острое чувство вины. Потому что у обменного пункта они виделись в последний раз. Это было последнее задание агента Яузы. Колосов не хотел сам себе признаваться в том, что было чистой правдой: это он брезгливо и раздраженно послал тогда этого беспутного пьянчужку на верную смерть.

Но в тот жаркий июльский полдень на Арбате ни чувством вины, ни угрызениями совести Колосов пока еще не мучился. После встречи с конфиденнтом он вернулся в главк, пообедал в столовке. В тихий знойный послеобеденный час родной Никитский переулок точно вымер – не то что прохожие, даже голуби под застрехами Зоомузея попрятались от солнца. Самое время было помедитировать над рабочим столом при включенном на всю катушку вентиляторе. Но предварительно следовало вызвать к себе подчиненного – какого-нибудь зеленого лейтенанта и озадачить его поездкой в Стрельню, на место работы потерпевшего Севастьянова, для сбора... Да, вот на оперативке фамилия Воронова упоминалась, да хоть его...

Никита, уже взявшись за телефонную трубку, вдруг положил ее назад. Вот сейф, вот крышка стола, стул у двери, электрический чайник на подоконнике, компьютер, плотно задвинутые от солнца шторы на окне и...

Он вдруг понял: сегодня, всю вторую половину дня, ему совершенно нечем заняться. Полистал еженедельник, записную книжку, перекидной календарь. Ощущение было настолько непривычным... Всю жизнь ни на что не хватало времени. Дела, важные, срочные, едва он переступал порог главка, обрушивались на него, как волны. И не обязательно то были лихие выезды на места кровавых происшествий, нет, гораздо больше как раз было проклятой бумажной волокиты – отчетов, материалов коллегии, справок для министерства, графиков, оперативных планов. А то вдруг...

Он смотрел на пустой стол, на сейф. Можно тихо-тихо сидеть вот так в кабинете, отвечая только на телефонные звонки. А потом в шесть (это так безбожно рано!) уехать домой, на свою холостяцкую квартиру, и там...

Колосов медленно выпил стакан противной теплой воды из чайника. Подошел к окну, захлопнул его, запер. Через минуту он уже спускался к машине. Сам себе при этом удивляясь: ведь в цирк, в Стрельню, он лично сегодня точно не собирался!

Однако в цирке, в этом крайне несерьезном заведении, на представление, как он втайне надеялся, он не попал. На кассе висело объявление, что все представления на этой неделе отменены.

Вместо клоунов и мартышек на манеже его ожидала беседа с каким-то другим клоуном в темном фургончике с табличкой «Администратор». Старичок этот, Пал Палыч Воробьев, сразу же утомил Колосова своей говорливостью и «энтузиазмом». Когда Никита честь по чести представился и предъявил удостоверение, администратор секунд пять смотрел на его «корку», секунд пятнадцать разглядывал самого начальника отдела убийств, затем вскочил, точно его пружиной подбросило, и... Поток, ливень, град слов! Колосов с ходу утонул в его восклицаниях: «Неудачный сезон, финансовые трудности, цирк простаивает, срыв номеров, отмена представлений, а тут еще это несчастье – ужас! Мне уже звонили. Такой молодой, энергичный, деятельный... Кто бы мог подумать – и убит! Как, за что, кем? А вы уже ищите убийцу? А, понимаю, никаких расспросов. Все понимаю... Но мы сами тут в цирке... И так у нас тут несча-

стве за несчастьем, сплошные неудачи, черная полоса, скоро докатимся до того, что животных станет нечем кормить. Вот оно как сейчас, молодой человек, вот она у меня где, демократия-то ваша, свобода... Эх, да что говорить! А тут еще криминал! Ах, как жаль Аркадия, такой дельный, такой перспективный! Мы при нем прямо вздохнули, крылья расправили. А сейчас... Да вы понимаете, молодой человек, цирк сейчас – это не то что раньше. Это чисто коммерческое предприятие. Акционированное. И каждый из артистов старается вносить посильный вклад...»

– Извините, – перебил его Колосов. – Но все же будет, наверное, лучше, если я задам вам несколько вопросов. Это не займет так много времени.

Администратор поперхнулся. Только сейчас он заметил, что они все еще стоят друг против друга.

– Садитесь, пожалуйста, – он кивнул на плетеный пластмассовый стул у своего походного стола. – Только могу ли я спросить – что же все-таки случилось с Аркадием? Как его убили?

Колосов рассказал только то, что все равно перестанет быть тайной.

– Сумасшедший дом. – Администратор достал из кармана брюк мятый платок и шумно высморкался. – Цельный день тут у меня сегодня настоящий сумасшедший дом!

– Может быть, вы расскажете коротко о Севастьянове – когда он начал работать, что был за человек?

– Дельный. Современный. Очень энергичный. Где-то после Нового года был я по делам в Киеве. Встретил там одного своего старинного приятеля. Он – бывший сотрудник Управления Госцирка, а ныне на пенсии бедствует, на эти свои гривны-карбованцы... Он мне и предложил встретиться с Севастьяновым – тот, оказывается, его родственник какой-то дальний. Очень его хвалил, говорил, возьми к себе – не пожалеешь. Все может, луну с неба достанет, потому что у парня жилка коммерческая, а сейчас новые времена, и нам, старикам, порой трудно сориентироваться и...

– Значит, вы встретились с Севастьяновым в Киеве. Что же, он так рвался в цирке у вас работать?

– Ну да... Потом он к нам в Самару приехал, мы там гастролировали. Я свел его с нашим коммерческим директором Сергеем Марковичем Броммом. Ну и, видимо, Севастьянов ему приглянулся. Смотрю, а уже в марте он к нам моим заместителем поставлен.

– И вы были довольны им?

– Да, молодой человек. Аркадий сразу же внес свежую струю в нашу работу. Этот год, как и прошлый, был очень тяжел для нас. В финансовом плане. Кризис, сами понимаете, не до зрелищ народу. Крупные цирки горят, не то что наш, кочевой. Но вы понимаете, Аркадию все как-то легко удавалось! Рука, что ли, легкая была? И деньги вдруг появились и... Да сами видите, осилили мы почти столичные гастроли! А все почему? Потому что появились деньги на счету, начали вкладывать средства в новое оборудование, в аппаратуру, обновили номера, животных новых приобрели, даже гардероб труппе обновили! Столица же! Естественно, надеялись на этих летних гастролях на хорошие сборы. И все было поначалу хорошо. Но вдруг... Ах ты, боже мой, какое несчастье!

– Пал Палыч, а вы были в курсе дел Севастьянова? Полностью в курсе? – перебил его Колосов. – Или какие-то дела он вел, минуя вас, напрямую с вашим коммерческим директором?

– Ну да. Он же был у нас ответственный по хозяйству, за материальное обеспечение, по финансам тоже... Я уже стар, молодой человек. Но вся жизнь здесь, в цирке, цирк люблю и знаю. Умею с труппой работать. За это, думаю, тут меня еще и держат. А на хозяйстве нашем сумбурном человек иного склада нужен. Молодой, современный. Поэтому, естественно, Севастьянов по своим делам порой напрямую общался с Броммом, да к тому же они с директором по годам ровесники.

Колосов не видел логики в подобном выводе, но возражать Воробьеву не стал, а задал следующий вопрос:

– Скажите, а вам известно, что Севастьянов был судим и до того, как устроиться к вам на работу, отбывал наказание в тюрьме?

– Нет. Боже! А за что? – всполошился Воробьев.

– Да за кой-какие махинации. Значит, вы об этом не знали?

– Молодой человек, у нас коммерческое предприятие, не заполняют тут анкет никаких. Он не говорил. Откуда же мне было знать?

– Севастьянова кто-нибудь посещал здесь, у вас? Быть может, он говорил – бывшие друзья, знакомые?

– Господи, да к нему столько народа каждый день приезжало! Сами видите – какое тут у нас торжище кругом. А цирку каждый день что-нибудь надо – корма для животных, фураж для лошадей, бензин для машин. С фермерами местными он договаривался, с совхозом – ну это насчет мяса, сена. Обжирают нас хищники, ну прямо спасу нет, сколько им всего надо, ненасытным! Потом технические разные нужды... Севастьянов каждый день в разъездах был. Завхоз, одним словом, хоть вы, молодые, это сейчас иностранным словом «менеджмент» зовете.

– А где он жил? Тут у вас, вместе с артистами?

– Сначала да. Но потом квартиру однокомнатную в Стрельне снял. У нас многие артисты так делают, особенно семейные. Тут живут только те, кто неотлучно при животных должен находиться.

– Адрес не подскажете? И, если можно, телефон вашего коммерческого директора.

– Вот, пожалуйста. – Воробьев нырнул в стол. – Только Сергея Марковича вы сейчас не застанете. Он вместе с семьей на отдыхе в Финляндии.

– Ничего, когда придет – свяжемся. – Никита спрятал бумажку с адресами в карман. – Скажите, пожалуйста, а два дня назад вы видели Севастьянова? Он был на работе? Может, уезжал куда-то? Или к нему кто-то приезжал?

– Не видел я его, молодой человек. Потому что с утра очень рано он уехал в Крылатское. Там оптовая база по продаже спортивного инвентаря, мы там оборудование покупаем. А в обед мы с Разгуляевым Валентином, это артист наш, поехали в ветеринарную клинику в Тимирязевку. Надо было насчет вакцинации животных договориться и кое-какие консультации получить. Потом оттуда я к своему приятелю заезжал, старинный работник манежа, еще при Местечкине работал, ну и...

– Может, кто-то из ваших артистов видел Севастьянова в этот день, общался с ним?

– Вы хотите знать, кто последний раз видел его живым? О, так всегда в детективах бывает. – Воробьев оживился. – Постойте, постараюсь вам помочь. У нас тут ребята уже судачили, ну, как из милиции позвонили-то... Постойте-ка. – Администратор выскочил из-за стола и распахнул дверь. – Кася! – зычно крикнул он с порога. – Разыщи мне Коха и Баграта, постарайся, тут из милиции насчет Севастьянова интересуются!

– Баграт в душевой, он только с репетиции! А Генку... Да где же я тебе Генку сейчас найду? – администратору отвечала билетерша из кассы (они перекликались чуть ли не через всю территорию шапито). Колосов и сейчас, и впоследствии только диву давался, как эта хрупкая молодящаяся старушка-билетерша Оксана Вячеславовна, которую в цирке, как он узнал, звали кто – Кася, кто – тетя Кася, обладает такой громогласной, луженой глоткой.

– Баграт Геворкян – артист нашей труппы. Ох и номер у него в свое время был! Да и сейчас тоже. Приходите к нам на представление, поглядите. Вот даст бог, немного из ямы выберемся...

– Что, какие-то сложности?

– Убытки грандиозные терпим. А все потому, что номер Разгуляева с дрессированными хищниками – у него, знаете ли, группа львов была...

– Пал Палыч, звали? – В дверь заглянул некто сумрачный, смуглый, очень маленького роста.

– Баграт, это к нам из милиции.

– Здравствуйте, – Геворкян вежливо кивнул Колосову. Был он, что называется, мужичок с ноготок, но мускулистый, кряжистый, словно молодой дубок. Колосову он напомнил борца в легком весе: широкие плечи, грудь колесом, мощные руки, но все какое-то миниатюрное. Темные, коротко стриженные волосы Геворкяна на висках уже тронуло сединой – лет ему, наверное, было под сорок. А на смуглом мужественном лице выделялись глаза – восточные, похожие на черную переливчатую ртуть, задумчивые и внимательные. Он и точно был из душа: волосы мокрые, на плечах махровое полотенце, а из одежды – одни лишь синие «бермуды».

– Баграт... отчество ваше, извините, можно узнать? – спросил Колосов дружелюбно.

– Отчество трудное, можете звать просто Баграт, не обижусь. – Геворкян говорил с еле уловимым кавказским акцентом.

– Скажите, пожалуйста, вы видели позавчера Севастьянова Аркадия, мне вот Пал Палыч сказал...

– Мы с ним утром вместе ездили в Крылатское спортивный инвентарь покупать. Утром грузовик пришел, нам надо было товар со склада вывезти.

– А когда вы вернулись?

– В половине первого. У меня репетиция в час. У нас манеж-то один, – Баграт усмехнулся, – вот по часам и засекаем. – А потом?

– Потом я до трех репетировал. Потом мы номер жены прогнали по-быстрому, ну и все. Обычно в семь у нас вечернее представление. Ну а позавчера цирк, как и сегодня, был закрыт.

– И как расстались в обед, так больше Севастьянова не видели?

– Нет. Я же говорю – у меня репетиция была.

– А вечером?

– Что вечером? Животных покормил да на боковую. Сейчас у нас тут все как сурки отсыпаются. Ну, если кто, конечно, ночью не репетирует.

– Есть и такие? – Колосов не удержался от насмешки. – Что же это неймется-то?

– Я же говорю, манеж один. А нас много.

– А что за человек был Севастьянов?

– Юркий. Крутился много по нашим делам. Но дельный.

– Вы его, так понимаю, не очень хорошо знали?

– Он недавно у нас работает, – сухо сказал Геворкян, – точнее, работал.

– Последний вопрос: вы здесь, при цирке, живете или квартиру в городе снимаете?

– Здесь живу. Мы с женой здесь.

– Неразговорчивый у нас Баграт, клещами тянуть каждое слово надо, – сказал администратор, когда Геворкян ушел. – Жена его, Лена... Вообще-то на сцене у нее псевдоним – Илона. Звучный, правда? Так вот, Лена даже обижается. А что сделаешь? Молчун. Но дело знает. И номер у него – соль арены, так сказать. В лучших традициях «индийских факиров» – дореволюционная школа еще. И с животными хорошо работает. Вы бы видели его лет этак пятнадцать назад на сцене Сочинского цирка с дрессированным бегемотом! Такая красота! У нас, увы, бегемота нет. Не по карману такая роскошь. Но экзотические животные у него в номере присутствуют – змеи, крокодил, попугаи. И сердце он золотое! А если бы знали, какой кулинар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.